

Мушни ЛАСУРИА

ЗОЛОТОЕ РУНО

Поэма

*Перевод с абхазского
Михаила Синельникова*

Абгосиздат
Издательский дом «Звонница – МГ»
Сухум – Москва
2014

УДК 821. 35 – 1
ББК 84 (5 Абх) 6–5
Л 47

Художник Батал Джапуа

В мировой литературе, начиная с античных времен, создано немало классических произведений, посвященных знаменитому древнегреческому мифу о Золотом Руно и дочери колхидского царя Медеи. Все они (трагедия Еврипида «Медея», поэма «Аргонавтика» Апполония Родосского и многие другие шедевры поэзии и драматургии) следуют традиционному сюжету, согласно которому Медея из-за любви к Ясону предаёт отца, помогает ему овладеть святыней родного народа – Золотым Руном, убивает своего брата и совершает еще целый ряд злодеяний...

В поэме «Золотое руно» Народного поэта Абхазии, замечательного мастера стиха Мушни Ласуриа, обнаруживаем совершенно иной подход к стародавнему преданию и другую версию событий. Перед читателем раскрывается панорама древнего мира, являются яркие образы, сильные характеры далеких предков, возникают мотивы абхазских эпических преданий и песенного фольклора. В поэме воспевается вековая борьба народа Колхиды-Абхазии за свободу и независимость. Всё произведение пронизано вдохновенным патриотическим пафосом. Вместе с тем голос поэта обращен к совести и разуму человечества.

Известному русскому поэту Михаилу Синельникову удалось в своем переводе воспроизвести поэтические достоинства подлинника и приблизиться к его звучанию, воссоздавая метрику и ритмику, систему рифмовки, весь облик стихотворного рисунка.

Фазиль Искандер

ПОЛИФОНΙΑ ЭПОСА

Замечательного абхазского поэта Мушни Ласуриа, моего давнего друга, я знаю прежде всего как превосходного лирика. Его стихи, отличающиеся и глубиной мысли и совершенством формы, драматичные и многозвучные, известны мне, конечно, не только в переводах русских поэтов, но и в абхазском подлиннике. Случилось и мне в былые годы перевести несколько стихотворений Мушни. Замечательны, например, его «Облака»

Играя, по небу плывут облака,
Их облик текучий рисует строка.
Платки пуховые по небу плывут,
За ними шагает усталый верблюд.

Вот девичьей шеи печальный изгиб,
Но что он напомнил? Зачем он возник?
Барашки на склонах небес разбрелись,
А раньше на склонах Кавказа паслись.

Воздушного замка утрюмые сны,
Обломки Великой абхазской стены.
Механик, я знаю жестокий твой трюк:
Ты стены обрушишь, но выключишь звук!

А вот великаны справляют пиры,
Багровым вином заливая шатры.
Вот облак и тучка в объятьях слились,
И молния страсти прорезала высь.
На строчку упавшая капля дождя
На скуку длиннот намекнула шутя.

Стихи эти, на мой взгляд, многое говорят о характере поэта. В них причудливый дар счастливого воображения сочетается с некоторой долей страхующей возвышенную интонацию иронией, с непринужденной веселостью. Существенно, что и в образах самой природы восхищенному её красотой автору чудятся видения родной истории и мифологии...

Познакомившись с монументальной поэмой Мушни Ласуриа «Золотое руно», я чувствую, что и в эпической вещи не утрачены свойства его столь своеобразной лирики. При этом, несмотря на солидный объем многогранной стихотворной повести, нет и речи о «скуке длиннот», но вот «молния страсти» то и дело прорезает высоту небес и блещет над морским побережьем, помнящим приход аргонавтов, похищение руна и волшебство прекрасной Медеи. В этой поэме возникла еще небывалая в абхазской поэзии концентрация эпических мотивов, в ней показано богатство многовекового песенного фольклора. И в то же время в повествовательной вещи присутствует и неподдельный взволнованный лиризм. Речь идет о многих судьбах, в том числе, разумеется, и о судьбе главного героя, в образе которого воплотилось авторское «я» поэта, погружившегося в глубины предания и присутствующего в поэме и в качестве зоркого очевидца и непосредственного участника событий. Композиция поэмы продумана и тщательно выверена. В изобилии картин нет переизбытка, напряжение, перетекающее из главы в главу, удерживается и в монологе, и в диалоге, и в реконструкциях мифов, и в красочных, рельефных, убедительных описаниях. Многоголосию можно восхититься. Чувствуется, что это, очевидно, созревшее на протяжении долгих лет, глубоко выношенное создание принадлежит писателю, обладающему высокой культурой, при всей самородности, непринужденности поэтического дарования. Да, Мушни

Ласуриа, которому принадлежат абхазские переводы Нового Завета, Пушкина и Лермонтова, Руставели и Байрона, Гейне и Лонгфелло всегда жадно тянулся к мировой культуре.

Поэма Ласуриа, ставшая трагическим гимном родной стране, хорошо известна в Абхазии. Ныне она выходит в прекрасном изложении известного московского поэта и мастера перевода Михаила Синельникова. Мне кажется, что переводчик был искренне увлечен своей работой и хорошо справился с нелегкой задачей, стараясь не только сохранить образный строй вещи и точнейшим образом передать смысл всего сказанного в поэме, но и по мере возможности приблизиться к звучанию абхазского стиха. Я убежден, что эта стихотворная повесть не только историческая, но и философская, и патриотическая, и при этом обращенная к совести и разуму человечества, заслуживает внимания не только в Абхазии. Уверен, что поэма найдет благодарных читателей и в России.

2014 г.,
июнь–июль

ШУМИТ НЕ УМОЛКАЯ...

(Заметки переводчика)

Стихотворная повесть выдающегося абхазского поэта Мушни Ласуриа, всеохватно воссоздающая ощутимую и за дымкой мифологии древнюю и, в сущности, вековую реальность, глубиной проникновения, искусностью реконструкции напомнила мне знаменитый роман Флобера «Саламбо». И в том и в другом случае заметно, что называется, абсолютное владение материалом, основанное, конечно, на исчерпывающем прочтении и, вероятно, многолетнем осмыслении источников, притом весьма немалочисленных – и мифов в их многовариантности, и свидетельств еще античных историков, и географов, и могучей драматургии, и поэзии, и позднейшей беллетристики. И во французском романе и в абхазской поэме, равно живописующих столкновение духовно и цивилизационно разнящихся пришельцев и коренных обитателей страны, присутствует на фоне титанических битв и народных страданий одна сюжетная линия, одна частная история, приобретающая всеобщее значение. И в том и в другом случае центральное звено – участь одной женщины и судьба чудотворной национальной святыни. Символами Карфагена становятся претерпевающая злоключения Саламбо, дочь Гамилькара и похищаемый заимф – драгоценное и роковое покрывало изображения богини Танит. Колхиду символизируют Медея, дочь царя Ээта и ставшее ярчайшим образом античной мифологии Золотое Руно. Судьбы и Руна и Медеи известны всем, прочитавшим в отрочестве хотя бы столь популярную книгу Николая Куна «Мифы древней Греции». Но ведь были еще Еврипид, Аполлоний Родосский, Сенека... «Медею» Сенеки, пожалуй, стоит процитировать:

Хоть на меня обрушилась беда,
Теснима отовсюду, но когда-то

Прославленным отцом блистала я:
Наш род идет от пламенного Солнца.
Все страны, те, что Фасис орошает
Струями мирными, те, что лежат
За Скифским Понтом, где морские волны
Послащены болотною водой,
Где девственные рати амазонок
Пугают Термодонтовы брега, –
Всем этим царством мой отец владеет, –
Счастливая, я царственною честью
Блистала, и руки моей искали
Завидные для многих женихи.
Внезапная, неверная судьба
Меня из царства вырвала, изгнание
Судила мне...

Пер. С. Соловьева

Да, во всех вариантах оставленной нам столетиями мифологической новеллы Медея подлинно несчастна. Но вместе с тем во всех, доселе существовавших, она сама – виновница своих несчастий, хотя бы отчасти. Возлюбленная Ясона и его соучастница в похищении колхской святыни, предательница родной страны, злая и преступная колдунья и даже мстительная убийца собственных детей... Конечно, и в этом зловеще-трагическом образе есть некоторое завораживающее величие. Валерий Брюсов в одном из стихотворений своей лучшей поры восторгается образом Медеи, свершившей свое ужасное злодеяние и улетающей на родину в колеснице, запряженной драконами:

«Выше, звери! взвейтесь выше!
Не склоню я вниз лица,
Но за морем вижу крыши,
Верх Этова дворца».

Вожжи брошены драконам,
Круче в воздухе стезя.
Поспешают за Язоном,
Обезумевшим, друзья.

Каждый шаг — пред ним гробница,
Он лобзает красный прах...
Но, как огненная птица,
Золотая колесница
В дымно-рдяных облаках.

Важно, что отзвуки предания о судьбе Медеи и Золотого Руна издавна волновали и воображение поэтов самой Абхазии, родины эпоса. Обращался к этой теме и великий абхазский поэт Баграт Шинкуба (я имел честь быть с ним знакомым и храню в памяти исповедально-откровенные его высказывания и о судьбе родной земли и об истории родной литературы). В его стихах 1946 года, посвященных любимому городу, еще так недавно пережившего угрозу вражеского вторжения, говорится:

Мой Сухум! К тебе обращаю горячее слово,
Ты грядущее наше и ты отраженье былого,
Ты ворота Кавказа, в которые море стучится,
И сквозь эти ворота врагу никогда не пробиться!

Ветер дышит озоном, смыкается море с газоном.
О Сухум, ты помнишь далекие встречи с Язоном?
Здесь ведь некогда «Арго» подолгу стоял на причале,
И страдала Медея, и чайки над нею кричали.
Не сюда ль аргонавтов манило руно золотое?..

Пер. Л. Длигача

Но вот перед русскими читателями поэма, в оригинале давно известная читателям абхазским и даже вошедшая в абхазские школьные хрестоматии. И, прежде чем заговорить о художественных достоинствах, заметим, что в абхазской, разумеется, имеющей полное право на существование версии поражающих воображение происшествий, содержится полная реабилитация прекрасной Медеи. Нет, она не изменница, но оклеветанная страдальца. Жертва обстоятельств, рукою алчного и подлого на-

сильника отринутая от родной земли, от дорогого отца, от истинного возлюбленного, своими глазами увидевшая гибель вставших на ее защиту соплеменников, гибель отважного брата, изрубленного мечами аргонавтов. И притом – настоящая героиня своего народа. Поскольку с утвердившимся в классической литературе образом абхазскую Медею все же роднит хотя бы сила характера, мощь, выраженная в словах исходящей из её уст огненно-страстной поэтической речи, полной не только жалоб, но и клятв в верности – родной земле, отцу, любимому... И вот у такой Медеи – при некотором сходстве фабулы – мало общего с безвольной, бездумной, томимой смутными предчувствиями Саламбо. Как и заимф, приносящий лишь несчастье всем (и друзьям и врагам Карфагена), к нему прикоснувшимся, совсем ведь не то, что Золотое Руно, осеняющее своим благодатным светом всю Колхиду, её труды и оборонительные войны. Разве что и колхско-абхазский талисман столь же беспощадно мстит своим похитителям, настигнутым «карой Руна»...

Как и в древнегреческом мифе, в заключительной части поэмы происходит возвращение в родные края Медеи (впрочем, в этом варианте как бы иной, воскресшей через три тысячелетия и обретшей желанное счастье). И точно так же, как то засвидетельствовано мифотворцами, возвращается она вместе с сыном Медом (между прочим, отпрыском не Ясона, а Эгея). Но заметим, что автор повествования совершенно не касается перипетий своей трагической героини на той чужбине, куда доставил пленницу многовесельный «Арго». Эта часть мифа решительно отстранена. Речь идет только о главном событии. О похищении чужеземными разбойниками двух сокровищ Колхиды – Медеи и Руна. И далее – о безуспешной погоне, собирании сил колхского ополчения и наконец – о победоносной решающей битве с врагами. Такое самоограничение в развитии сюжета вызвано, как, думается, тем, что для абхазского поэта в конце концов важна не столько приключенческая линия (хотя бы приключения и были сами по себе захватывающими и притягательными

для ставящего себе чисто литературную задачу обычного беллетриста). Но «Золотое Руно» по замыслу – патриотическая поэма, и ее главная тема – судьба самой Абхазии, для которой достойный сохранения и в эпосе и лирике эпизод «Аргонавтики», конечно, дорог, как некая поражающее воображение страница и символическая веха. Но ведь драматична вся история небольшого, в бурях тысячелетий отстоявшего самое свое существование этноса, сохранившего родную речь. И вот в этой истории примечателен ее упорный циклизм – вечная повторяемость поворотов всегда трагической реальности.

Позволю себе сделать обширную выписку из принадлежащего выдающемуся абхазскому историку Г.А. Дзидзария и основанного на сообщениях европейских путешественников научного труда об истории работорговли, сопряженной с похищением и захватом преимущественно молодых обитателей побережья «Страны души» – Абхазии:

Итальянский миссионер Арканджело Ламберти, безвыездно живший в Мегрелии в течение 1635–1653 годов, прямо указывает на то, что турецкие купцы приезжавшие на Кавказ, прежде всего, интересовались рабами. «Сюда, – пишет он, – приезжает множество турецких купцов», которые «привозят в большом количестве деньги и одежду, в которых нуждаются местные народы, и за что турки исключительно требуют невольников. Поэтому грузины, колхи и абхазы продают туркам похищенных людей». Далее Ламберти свидетельствует о массовом вывозе абхазских невольников, которые «высоко ценятся у турок; женщины из-за редкой красоты, а мальчики потому, что после обращения их в свою веру и обучения военному искусству, выходят из этих невольников очень хорошие гражданские чиновники и офицеры». При этом Ламберти подчеркивает факт продажи абхазскими феодалами в рабство туркам своих соплеменников – мужчин, женщин и детей.

Турецкий путешественник Эвлия Челеби, объездив в 1640 году восточный берег Черного моря, в том числе Абхазии, неоднократно отмечал о торговле невольниками в «пристанях» этих последних, о том, что суда из разных стран привозили сюда товары, которые выменивали на рабов. Путешественник и его сопровождавшие в «пристани» «племени» дембе «выменивали старую одежду... на девочек и мальчиков невольников»; сам он «купил абхазского мальчика». Челеби также писал о том, что представители феодальной верхушки Абхазии и Мегрелии «крадут друг у друга детей обоих полов и продают их в неволю». Причем первые воруют и своих соплеменников – «детей одних у других» и продают в рабство.

Другой автор XVII века, Жан Шарден, путешествовавший в 1672 году вдоль берега Абхазии, также не мог не обратить внимание на факт интенсивной работорговли в крае. Он передает свои впечатления, например, о пребывании на торговом судне, груженном рабами, закупленными в бухте Исгаур (Скурча), являвшейся самым крупным центром и рынком береговой торговли на протяжении XVII и XVIII веков. «Такое количество рабов, – пишет Шарден, – разного возраста и пола, – одни на цепях, другие – привязанные друг к другу... На нашем корабле, когда я покинул его, было 40 рабов. Капитан, турецкие купцы и христиане выменяли их на оружие, платье и другие товары, оценивая последних вдвое дороже, чем купили сами. Мужчины в возрасте от 25 до 40 лет пришли к им по 15 экю, а те, кто был старше – по 8-10 экю. Красивые девушки от 13 до 18 лет шли по 20 экю, другие – дешевле; женщины – по 12, а дети – по 3 и 4 экю. Один греческий купец, имевший лавку рядом с моею, купил женщину с грудным ребенком за 12 экю...».

Шарден, говоря о катастрофическом сокращении населения, уверял, что в его время ежегодно из собственно Мегрелии и части Абхазии (современ. Очамчирский и Гальский районы) вывозилось до 12 тыс. рабов-невольников. Это было основной причиной того, что население указанного района за период с 50-х по 70-е годы XVII века сократилось с 80 тыс. до 20 тыс. человек.

С. М. Броневский, в 1802-1804 годах служивший правителем дел при главнокомандующем в Грузии генерале П. Д. Цицианове, справедливо считал, что данные Шардена «не сообразны с количеством населения этой земли», но соглашался, что число пленников, вывозившихся из «пристаней черноморских», «простиралось прежде» от двух до трех тысяч человек». Более того, автор подчеркивал, что «первый узел, соединяющий турок с горскими народами, есть продажа пленных». И этому вопросу он уделяет большое место. Броневский говорит о трех «способах» получения пленников: «право войны» (домашняя война) — «обычай поработать военных пленников и продавать в виде собственности», «продажа крестьян помещиками и продажа отцами детей», «похищение людей украдкою в мирное время у своих соседей». Этими «способами» и получали «знатное количество пленников», которое, переходя из рук в руки, наконец приводили для продажи в Анапу, Исгаур (Скурча), Сухум, Поты, Батум и другие пункты побережья». В Сухуме, например, «бывают знатные ярмарки для торга пленников». Затем турецкие купцы нагружали ими корабли свои и отправляли в Константинополь, а потом в Египет и ливанские порты. В Константинополе и ливанских городах продавали женщин для сералей знатных людей за дорогую цену, а остальных невольников и невольниц, которые «похуже лицом и не так стройны телом», покупали у них для домашней службы.

Абхазские женщины, действительно, дорого ценились как обладающие редкой красотой...».

Однако непрекращающееся преступление, в котором постыдным образом участвовали местные феодалы, вызывало гнев местного населения. И во все времена встречало героическое сопротивление:

«...Население Абхазии и со стороны гор всегда испытывало угрозу грабительских нападений с целью главным образом увода людей в рабство. Борьба с этой опасностью нашла свое яркое отражение в абхазском фольклоре. Так, Пшакьяч-ипа Манча, Шарытхуа-ипа Мсоуст и многие другие — это славные герои эпических песен о войнах против жестоких захватчиков. К числу наиболее популярных защит-

ников абхазских сел от вражеских нападений со стороны гор принадлежал Напха Кягуа.

*За врагами следил он с вершины горы,
Разжигал на долине пастушьи костры,
Разводил он порою в пещере очаг...
Но однажды, когда Кягуа охотился на туров,
«В ночь без луны»,
В эту ночь налетели грабители с гор
И в селенье его учинили разор.*

Кягуа нагнал врагов, и смело вступив в неравную борьбу, уничтожил их. Смертельно раненый Кягуа, вместе с освобожденными односельчанами, направляется в обратный путь, напевая песню героев:

*Славный Кягуа, наша защита и меч!
Тот народ, за которого ты пал в борьбе,
Никогда не забудет, герой, о тебе!»*

Так отвечают земляки Кягуа на его смерть».

Две выхваченные нами цитаты свидетельствуют о событиях позднего Средневековья и даже нового времени. Но набегі работорговцев не прекращались на протяжении всех миновавших столетий, а, может быть, и тысячелетий. Не есть ли все эти сравнительно поздние свидетельства – не что иное, как продолжение еще более отрывочных вестей и ужасающих слухов, дошедших к нам из истории древнейшей, и вместе с тем – воплотившееся на бумаге путевых дневников продолжение легенды, вечное возобновление мифа?

Для Мушни Ласуриа в отечественной его, абхазской истории нет и не должно быть пробелов, бытие родного народа непрерывно. В этой истории по праву присутствуют не только герои потрясающей воображение поколений античной драмы (причастными ко всем коллизиям которой по собственным основаниям считают своих

предков и соседствующие с абхазами народы и племена – античная Колхида была велика). Но действующими лицами становятся и героические персонажи всех других эпосов, родиной и прародиной которых был Кавказ. Здесь и славный удалец Сасрыква из эпоса «Нарты» (Сослан – у осетин, Сосруко – у адыгов, Сосурка – у карачаевцев и балкарцев). И титан и мученик Абраскил, которого именуют абхазским Прометеем – конечно же, это – один и тот же художественный образ, возникший в эпическом фольклоре задолго до гениальной трагедии Эсхила. Быть может, сказание о нем было завезено в Элладу на том же баснословном «Арго», в трюме которого пребывали и Золотое Руно и Медея...

Участниками общего действа, вместе с царем Этом, Медеей, Апсыртом и неназванным возлюбленным похищенной и возвращенной царевны (конечно, здесь угадывается второе «я» автора), вместе с прекрасной Гундой и музыкальным гением Рарирой, стали и все, то и дело умиловливаемые жертвами и молениями божества абхазского языческого пантеона. Все его герои, вместе со сказочными карликами-ацанами (гномами) и полулегендарными амазонками (вероятно, все же существовали и такие свирепые воительницы глубокой древности). И этим общим мистическим действом и вечным народным празднеством стала «Колхидская свадьба». Казалось бы, глава, посвященная свадьбе, лежит в стороне от сюжета, но поэту во всей кинематографически мчащейся и учащающейся перемене картин с вихрем плясок, игр, песен было важно показать и привычный и праздничный быт родного народа, не только побеждающего своих врагов и презирающего насильников, но и мечтающего о мире и благоденствии, о свободе. И эта глава превращается в симфонию Колхиды-Абхазии и в ее апофеоз.

Впрочем, не хотелось бы как-то особо выделять и приносить ту или иную отдельную часть единым духом созданного повествования. Заслуживает внимания вся постройка с композиционными решениями. Выбор темы для очередной главы всегда точен и не случаен. Остаются в памяти и пронзающий душу монолог Медеи, сцены

клятв, сражений, и столь же реальное, сколь и символическое посещение того подземелья, в котором терзается и не сдается року Абраскил. И взволнованная речь о родном языке, выжившем вопреки всему. И воспевание труда вечного пахаря и сеятеля, собрата всех земледельцев Земли, и вся глава «Сау-нау» с особым сосредоточением фольклорных, песенных мотивов, с присловьями, в которых ёмко и весомо присутствие многовековой народной мудрости, столь поучительной. В сущности, автор поэмы постоянно выступает не только как художник, живописующий словом, но и как мыслитель-моралист, учитель нравственности. Трогает нас и его нескрываемая печаль, внезапно посещающая при описании смерти одряхлевшего Ясона, вполне согласующаяся со свидетельством эллинского мифа. Но поверх описания и в итоге новеллы – сгусток чувств, в котором вера в неминуемое возмездие соединилась с сожалением о бесплодно и бездарно растраченных, отданных злему делу телесных и душевных силах... И, конечно, по-своему великолепно и концовка всей поэмы с фантастическим возвращением эпических героев – через бездны протекшего времени – на дождавшуюся своего светлого дня Родину. Конечно, это – аллегория. Но здесь и признание бессмертия, некой вечной повторяемости...

Здесь позволю себе процитировать несколько строк великого Гёте в русском переводе Николая Вильмонта:

Вновь переплавить сплав творенья,
Ломаю слаженные звенья, –
Заданье вечного труда.
Что было силой, станет делом,
Огнём, вращающимся телом,
Отдохновеньем – никогда.
Пусть длятся древние боренья!
Возникновенья, измененья –
Лишь нам порой не уследить.
Повсюду вечность шевелится,
И всё к небытию стремится,
Чтоб бытию причастным быть.

Да, судьбы героев свершились и всё горестно, безысходно и непоправимо. Но вот в возрожденческой Италии жил один дерзостный еретический философ, явный, конечно, предтеча Кьеркегора и Шестова, любивший повторять одно свое утверждение: «Бог может сделать бывшее не бывшим!». Кажется, этот ошеломляющий афоризм не требует комментария.

Вернемся всё же к родной для автора почве... Вся поэма пронизана неизбывной любовью к родной земле, бесконечно дорогой и в ее страданиях и в радостях, любовью к родине, сладостной в своем плодоносном изобилии. И вот – описание родной природы в монологе тоскующей Медеи; здесь даже простое перечисление животных и растений кажется истинной поэзией и напоминает живость фламандской живописи:

Так дебри твои были дичью богаты,
И слышались издали волн перекаты.
Окинуты белыми бурками горы,
На кручах бессчетны звериные норы.

Тут просо бурлило...
Там лён
и пшеница...
И скот на холмах и в долинах теснится.
Быки и коровы, и козы, и кони,
И – овцы на каждом пригорке и склоне.
Бесчисленных пасек желанна улада
И гнётся ольха под лозой винограда.
И яблоч и персиков запах пьянящий
Повсюду струили садовые чащи.

Без рыбы здесь невод, опущенный в зыби,
Не мог возвратиться, и тесно в нём рыбе.
В лесах то и дело порхали фазаны,
И взгляды пленяли красой несказанной.

В лесах –
Ежевика, кизил, земляника,

Там дикие груши, каштаны, черника,
Фундук, алыча, лавровишня с инжиром
И дикие лозы – всё кажется пиром!

...Из Абхазии мне привезли ксерокопию моего письма, датированного январем 1983 года, то есть письма более чем тридцатилетней давности. Отвечая Мушни Таевичу Ласуриа на его предложение приступить к переводу «Золотого руна», я тогда писал:

«...Прочитал Вашу поэму основательно и увлеченно. Чувствуется, что это – значительное, очень драматичное, интересное и сюжетно и стихотворно, произведение». Далее я, с сожалением, откладывал работу над переводом, ссылаясь на свою в то время вовлеченность в переложение персидской классики. Что было правдой.

Но, вероятно, всё приходит в свой срок. И, может быть, изменившие меня годы лучше подготовили меня к работе над переводом (очевидно, всё же предначертанной – иногда, в беге лет возникавшая вера в Предопределение меня никогда не обманывала). Но, по моим наблюдениям, изменился не только я, потенциальный переводчик, изменился и автор, конечно, не случайно, внесший в важную для него стихотворную повесть некоторые поправки и дополнения. «Бегут, меняясь, наши лета, / Меняя всё, меняя нас...» – писал Пушкин. Протекшее тридцатилетие, по насыщенности событиями, кажется равным геологическому периоду времени, да, может быть, и не одному. Изменилась и многое претерпевшая Абхазия... Это всё понятно и неизбежно. Но вот что интересно и существенно: изменилась и сама поэма! Меня давным-давно поразила удивительная мысль Дмитрия Мережковского, высказанная в его «Вечных спутниках». Мысль о переменчивости смыслов в долговечном и значительном литературном произведении, о потаённом ресурсе для такого преобразования, возникающем «в органическом, произвольном процессе творчества». Я совершенно убежден в том, что в свете свершившейся грозной истории, новые поколения абхазских читателей, знакомящиеся с «Золотым руном» уже в средней школе, будут читать её иными глазами, не-

жели читатели семидесятых-восемидесятых годов миновавшего века...

Итак, с произведением моего давнего абхазского друга я был знаком давно, но приходится признать, что предыдущее знакомство было поверхностным и ограниченным. Вот именно в непрестанной работе над переводом оно стало более углубленным. И что значит «перевести»? Не то ли, что провести через свое сознание ощущения и мысли автора, вычисляя возможные скрытые значения и словесные оттенки? Я вспоминаю одно из высказываний Фазиля Искандера о родной ему абхазской речи, о звукописи, посредством которой можно, например, передать даже и журчание воды в горном ключе. Всё это, конечно, средствами другого языка непередаваемо. Но стремиться в переводе к максимальному возможному, вообще сколько-нибудь мыслимому сближению с трудно уловимой при разности систем стихосложения метрикой и ритмикой подлинника, сохранять характер рифмовки, на мой взгляд, надо. Надеюсь, что в своих попытках я не слишком обеднил смыслы, столь многообразные, многослойные в абхазской речи...

Надолго, в качестве переводчика, погрузившись в абхазское поэтическое предание, я всё же естественно оставался российским стихотворцем и не мог попутно не вспомнить о русском поэтическом предании, также издревле связанном со сказочным Лукоморьем, – должно быть, и с теми же местами, помнящими набег аргонавтов. И закончить эту заметку мне вдруг захотелось чарующими стихами Михаила Лермонтова:

*Немая степь синее, и венцом
Серебряный Кавказ её объемлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан, склонившись над щитом,
Расскажам волн кочующих внимая,
А море Черное шумит не умолкая.*

**Михаил Синельников.
Москва, 2014**

ЗОЛОТОЕ РУНО

Поэма

I

*Ицдырга, убаскан, Рарира, уа уашаа,
Орфеигыи итга, хаимыцдауаз дрыцын!
Ицдырга, иркаф, уахашьацдакья илызкушда,
Уахашья дукдыхшоуп, уашааф сумырзын! –
Уи хадгыл гдырфала иакэгоу ирызкызааит,
Урт рызбахэ, са сызбахэ рцабырг иатдызааит!..*

*Спой нам, Рарира,¹ и песней своею
Мощно ответь аргонавту Орфею!²
Милый мой брат, дай печали излиться,
Спой эту песню для пленной сестрицы!
Вестью от всех, кто в плену, на чужбине,
Песнь многозвучная станет отныне.*

АПСЫРТ³

Та ночь с разгромом и развалом
Проклятьем стала навсегда,
На том рассвете небывалом
Явилась всадников орда...

Толпясь, собою не владея,
Кричали колхи:
«Где Руно?
О стыд!
Похищена Медея!⁴
Где наше чудо?...Где оно?!»

Гроза в ту ночь гремела грубо,
Перевернула всё вверх дном
И обломила ветку дуба
С заветным Золотым Руном.

... Нагрыв, солнце умыкнули
Громады туч.
О скорбь и гнев!
Рыдали горы,
В скорбном гуле
Мир изменился, почернев.

Но сборы были тут недолги...
Все царство поднял царь Ээт,⁵
И во главе с Апсыртом колхи
В отряды собрались чуть свет.

Нет, братья-колхи, нестерпимо,
Чтоб тешились удачей те,
Что сгинули, как струйка дыма,
Растаявшая в темноте.

Нас ждут на берегу триеры...
Мы все подавлены судьбой,
И нет отчаянию меры,
Но враг ответит за разбой!

Четырнадцать триер... Немало!
А в каждой – шестьдесят бойцов...
Какая воля всех спаяла!
Не посрамим же край отцов!

Все вместе с горестным Ээтом
Мы молимся тебе, Хаит!⁶
Пусть в море, пеною одетом,
Твоя рука нас защитит!

Мы – моряки, мы – люди моря,
Так помоги нам, бог морей!
Не в первый раз, с волнами споря,
Взываем к благодати твоей!

С благословенья Ажвейпшаа⁷
Да будет нам догнать дано
Врагов коварнейших и злейших,
Спасти Медею и Руно!

Да, всё готово для погони!
И вот мы ринулись во тьму,
Не дрогнув во всеобщем стоне,
Воззвав лишь к богу своему.

Ожив душой в родном просторе,
И кровной мести бросив клич,
Уходим мы всё дальше в море,
Чтоб «Арго» мчащийся настичь.

Все корабли летят, как птицы,
И вот уж родина вдали...
Чтоб много раз в пути смениться,
Гребцы на вёсла налегли.

Летим быстрее, чем бег бурунов,
Во всеоружье
Ждём и ждём...
Через неделю, дымку сдунув,
Явил нам судно
Окоём.

На нём грабители пируют,
Удаче радуясь своей,
А наши горько негодуют,
Себя клянут душою всей.

Но свой позор оплакав, колхи
Сейчас охвачены огнём:
«Сразимся, не забыв о долге!
И победим,
Иль все умрём!

Отваги ждёт от нас Колхида.
Вот – враг, не дрогнем перед ним!
В мучениях сейчас Колхида,
И знамени не посрамим!»

Клубится мгла, нас прикрывая...
Вот «Арго»!
К цели мы близки...
Труба запела боевая,
И вражьи строятся стрелки.

Тут наши двинулись триеры,
Мгновенно «Арго» окружив.
Самих дивил нас
Свыше меры
Наш сокрушительный порыв.

И колхские и вражьи стрелы,
Сверкнув, со свистом взмыли ввысь,
Отравленные наши стрелы
В корабль Ясона понеслись.

Враги, как змеи из расселин,
Свирепствуя, встречают нас,
Но парус «Арго» весь расстрелян,
И голос мщенья не угас.

Краснеет море кровью колхской,
Но мы на «Арго» взобрались,
На палубе дерёмся скользкой,
И солнце в страхе, меркнет высь.

Апсырт с неукротимым пылом
Разил врагов, что было сил,
И лишь одно в душе твердил он,
«Победа или смерть!» – твердил.

Кругом гремит,
Скрежещет,
Блещет
Оружье грозное войны...
Но в свисте стрел
Душа трепещет:
«Неужто мы побеждены?»

И ты, Апсырт, так зло, жестоко
Сражаясь за сестру свою,
От нас не заслужив упрёка,
В кровавом рушишься бою!

Число поверженных утроив,
Не ты ли море обагрил,
Апсырт, Апсырт, герой героев,
Всею кровью сердца, кровью жил!

Неужто меркнет мир Ээта
И безвозвратно суждено
Царю утратить радость света –
И дочь, и сына, и Руно?

Нет, невозможно примириться...
Но не отходит ни на пядь
Наш враг свирепый, многолицый,
Добычу силясь отстоять.

Мечи и копья, и кинжалы,
И посвист беспрестанных стрел...
Вдруг сердце злая горечь сжала:
Кто здесь из колхов уцелел?

Сражавших кровопийц Ясона,
Убитых вражеской рукой,
Их столько павших обречённо!
Все в море обретут покой...

Ясон сзывал бойцов с надсадой,
И он ведь в бешеном бою
Спасая честь своей Эллады,
Стоял за родину свою.

Мы с ним свои мечи скрестили,
Чтоб мёртвым пал один из нас.
Я, покоряясь высшей силе,
К Творцу взмолился в этот час.

Но все усилия излишни!
Стучат мечи в угаре злом,
Но всё уж предрешил Всевышний,
Для нас, для колхов, грянул гром!

Садилось солнце, мглой объято,
А рок грозил то им, то нам,
И кровь людей и кровь заката
Стелились по морским волнам.

Мой меч
Сразил бы и дракона.
Ещё удар...

И гул и звон...
Бегут враги спасать Ясона,
Но не возьмут меня в полон!

Тем бешеным
Меня словить ли!
...Я прыгнул за борт,
Сам не свой,
Жестоко ранен в страшной битве,
Но непокорный
И живой.

Перетекает кровь заката
В темнеющую синеву,
Сражение туч грозой чревато...
По крови братьев я плыву.

Уже дышать мне стало трудно
И туча стрел вдогон летит...
Я слаб...
Но вот родное судно...
Знать, пощадил меня Хаит!

Темно морской равнины лоно,
И мёртвых не вернуть из мглы.
О, не были к нам благосклонны
Зыбей бурливые валы!

Один вернусь я, вестник горя,
Чтоб слёзы лил родной народ...
Вновь «Арго» режет волны моря,
Добытчиков
Эллада ждёт.

Шли волны, темной кровью рдея,
Росли и падали,
Как вдруг
Ко мне донёсся крик Медеи,
Рванувшейся из вражьих рук.

Её разбойники держали.
Крик
До небес волну вознёс..
Руками цепкими вязали,
Крик
Ранил, трогая до слёз.

Всё учащались взмахи гребли,
И, хоть зови, хоть не зови...
Она рвалась, бросалась в гребни,
Что в колхской пенились крови.

Вовек не заживить мне рану,
Померкло небо, кровь бурлит –
Медеи крик во мгле туманной,
Казалось, звёзды свёл с орбит.

Вот увели...
Кто ей поможет
В чужом краю, без языка?
Эллада ждёт...
А совесть гложет –
Уже Медея далека!

И я шепчу:
«В руках злодея,
И проклиная, и скорбя,
Не погуби себя, Медея,
Сказав, что я люблю тебя!»

Связали! Как освободиться?
И, небеса перемолов,
Гроза грохочет...
Словно птица,
Взмыл «Арго» над грядой валов.

Мне чудится Ясон,
На плечи
Себе накинувший Руно.
Колхиды гордость,
Ты далече!
Сокровище осквернено!

Моё он счастье в трюме прячет,
И весь корабль в крови омыт...
Эллада в ожиданье плачет,
И «Арго» по волнам летит.

Спешит,
Добычи знатной полон.
И на кого ещё напасть?
...Клекочущий несётся ворон,
Драконья огрызнулась пасть.

Войной Эллада пышет жарко,
Не видно мира столько лет!
Орудье истребления – «Арго»,
Куда приплыл, там жизни нет!

Ясон удачлив,
И на плечи
Накинул вещее Руно.
Колхиды гордость,
Ты далече!
Сокровище осквернено!

II

МЕДЕЯ

Вернулся...
Из волн выхожу, безотраден.
Отчизна скорбит, поседевшая за день.
Рождают седины вершин – сострадание,
И реки – не реки, сплошное рыдanie!

Завалено тучами небо Колхиды,
Трава пожелтела от горькой обиды,
Горюют леса, вся в смятении нива,
И дуб заповедный стоит сиротливо.

Как видно, молиться здесь дело пустое,
И птицы не славят Руно Золотое...
О, Солнце, зачем в этот день ты всходило!
Колхида, чьё сердце разбито, уныла.

Уж нет ни Руна, ни Медеи отныне...
Они ведь едины, две равных святыни!

Колхида, сыпсыкура,⁸ горе огромно!
Брожу по отчизне угрюмой и тёмной.

Напрасно взываю я к сумрачным скалам,
В печали схожу к берегам одичалым.

Там гул раздаётся, и снова так ярко
Встаёт перед взором видение «Арго».

Вновь вижу, как здесь мы встречались, Медея,
И родины солнце цвело, не скудея.
Когда же всходили ночные светила,
Луна неусыпно природу хранила.

Ты жизнь моей жизни дарила бывало,
Ты жгучие слёзы по мне проливала!
Была моим правым плечом и подругой,
Приникшею к сердцу
Надёжной кольчугой.

Медея, в сраженьях не меч и забрало,
Твоё меня благословенье спасало.
Тебе приносил я победные вести,
«Колхида жива!» – ликовали мы вместе.

Хожу по отчизне до самых окраин,
С утёсами речь завожу, неприкаян.
От счастья осталась мне боль вековая,
И тщетно текут дни и ночи, мелькая.

О счастье своём я уже не радею,
Я богу молюсь и прошу за Медею.
Но разве он слышит
Молитвы и пени!
И нет от Руна Золотого ни тени.

К иным берегам моё сердце стремится,
Над миром кружат мои думы, как птицы.
О ней – мои мысли
За плугом на пашне,
О ней – и в сражении,
В битве всегдашней!

Не вижу её, слышу голос кричащий,
Сквозь времени тьму издалёка летящий.
И тень её милая и дорогая
За мной устремляется, душу сжигая.

Все скорби её разбросало по свету,
Но ветер приносит мне жалобу эту –
Сквозь времени темень несётся: «В беде я!»
Пронзает мне душу твой голос, Медея:
«Отчизна, сыпсыкура, ты – пред глазами!
Где ж небо твоё? Здесь я брошена в пламя.
И в теле – стрела, глубока моя рана,
Мне горько, что злые чернят меня бранно.

Дорога судьбы завершилась неволей,
Но сердце твоё моей ранено долей.
Руно Золотое – теперь небылица,
Но звёздами ночь твоя вся золотится.

Была ты, страна моя, славной и сильной,
Богатой, неведавшей бед, изобильной.
Остыть не могло твое солнце живое,
И всё наяву, что воспето молвою.

Так дебри твои были дичью богаты,
И слышались издали волн перекаты.

Окинуты белыми бурками горы,
На кручах бессчетны звериные норы.

Тут просо бурлило,
Там лён и пшеница...
И скот на холмах и в долинах теснится.
Быки и коровы, и козы, и кони,
И – овцы на каждом пригорке и склоне.

Бесчисленных пасек желанна улада
И гнётся ольха под лозой винограда.
И яблок и персиков запах пьянящий
Повсюду струили садовые чащи.

Без рыбы здесь невод, опущенный в зыби,
Не мог возвратиться, и тесно в нём рыбе.
В лесах то и дело порхали фазаны,
И взгляды пленяли красой несказанной.

В лесах –
Ежевика, кизил, земляника,
Там дикие груши, каштаны, черника,
Фундук, алыча, лавровишня с инжиром
И дикие лозы – всё кажется пиром!

Лишалась ли ты хоть на долю секунды
Опеки Кукуна и Анана-Гунды,
Ажвейпш и Шашвы?..⁹ Но что ж эти боги
Лишили святыни тебя и подмоги?!

Была ты, страна моя, славной и сильной,
Богатой, неведавшей бед, изобильной.

Все жили, богатство трудом добывая,
Не сказкой была эта жизнь золотая.

Была ты богатой – богатство прельщало,
Красивой – краса твоя гибелью стала...

В потоки, что золотом были богаты,
Руно опускали – в зыбей перекаты.
Немало к руно под водой прилипало
Простого песка и крупинок металла.

И золото брали, просеяв сквозь сито...
Да, золотом наша страна знаменита!

Руно под бегущей водой расстилали,
Мужчины и женщины тут хлопотали.
Крупницы блестящие и самородки,
Бывало, кто с берега ловит, кто с лодки.

Слепили, под солнцем горя на овчинах,
Бессчетные россыпи ярких песчинок.
На каждом дворе – этих шкур преизбыток,
Но был и особый светящий свиток!

Руно, что так славно и чтимо сугубо,
Висело на ветви священного дуба.

Победно сияло на дубе высоком,
Народ созерцал его бдительным оком.
Оно было знаком богатства и славы,
Мечты о грядущем колхидской державы.

Когда на Руно мы смотрели, бывало,
Оно, как звезда, нашу жизнь озаряло.
Сияла реликвия эта святая,
Веками народную душу спасая.

Что с чудом сравнится его небывалым,
Казавшимся издали заревом алым?
И весть о Руне от столетий к столетьям
Тревожила алчных, желавших владеть им.

И вражья на золото зарилась сила,
И море злодеев сюда приносило.

Колхида, ты знаешь, как было их много!
Они не боялись, не ведали бога.

И стрелы их в колхское сердце вонзались,
Лихих кораблей паруса колыхались.
По морю, вскипавшему зло и космато,
Они увозили колхидское золото.

Судами, что в плещущей таяли сини,
Они серебро из страны увозили.
Вдаль –
Мёд и зерно, наше масло и вина,
Вдаль –
Дивный самшит и простая холстина.

И нежные льны – нет на свете их лучше,
И скот, и товары, и всё это – в куче.

Всего же для колхов ужаснее доля
Похищенных, чья безысходна неволя.
Юницы и юноши, кинуты в трюмы,
Красою затмили богов, но угрюмы...

Отчизна, сыпсыкура, ты пред глазами!
Где ж небо твоё? Здесь я брошена в пламя.
И в теле – стрела, глубока моя рана...
Мне горько, что злые чернят меня бранно.

Меня увезли, всё твоё похищая.
О, как за меня ты сражалась, родная!
Меня, как других дочерей твоих гнали...
Руно закатилось в безвестные дали.

Кто ж злобно клеветает, что я благосклонно
И лесть приняла и посулы Ясона,
Ему помогла и для страшной чужбины
Отца предала – его честь и седины?!

А люди поверят всему, что услышат,
И многие эту неправду запишут,
Крылатыми быстро становятся слухи,
Ведь сплетники к голосу истины глухи.

Но всё это ложь, верна я Отчизне!
А кто-то ведь молвит, жесток в укоризне,
Что я и Руно помогала похитить!
И правды во мгле клеветы не увидать...

В душе моей рана, истерзано тело.
Как горы твои, я теперь поседела.
Коль Родины нет, где найдётся отрада!
Скорблю средь мучений, как все твои чада.

Куда б ни ушла, лишь тобою богата,
Ты всюду со мною, ты – боль и утрата!
Долины и горы собрав из осколков,
Обнять порываюсь отечество колхов.

Я вас обнимаю, о, корни бывшего,
Чьё мужество стойко и горе сурово.
Страна моя, солнечна, многоязыка,
Тебя оплетает лучей повилика!

Отец мой, мой свет, от меня столько горя!
Твой сын принял смерть среди бурного моря,
В Апсырте, наследнике, – всё твоё счастье,
А он и убит
И разрублен на части!

А ты, мой герой... О, потерянный мною!
Я сердцем с тобой, моё счастье земное!
Я знаю – ты страждешь в тоске безотрадной,
Один пепелит нас огонь беспощадный.

Смиримся ль с разлукой,
Увидимся ль снова?
Неужто судьба так скупа и сурова?

Злосчастье постигло и нас и Колхиду!
Ты так далеко... Солнце скрылось из виду.

Сойдёмся ль мы в жизни, как в дымке мечтаний?
О, не было б счастья светлей и желанней!..

Тобою живу на земле нелюбимой,
Народ мой, недрогнувший, неборимый!
Бушует гроза, не прошедшая краем,
И мы, подожженные, вместе сгораям.

Из бронзы колхидской родная мотыга...
Любуюсь – не знаешь ты праздного мига!
Вот, встав на колено, я кланяюсь глине –
Ею волосы мыла в колхидской долине.

В Колхиду возьми меня, ветер кавказский,
Неси в Диоскурию, в детские сказки!
О, птицы, крылами могучими вея,
О родине весть принесите Медее!

...Кому свою душу открыть мне, скажи-ка?
Я здесь одинока, я здесь безъязыка,
Я так бесприютна,
И люди в Элладе
Идут отчуждённо, на «варварку» глядя.

Пусть «Арго» потонет! На нём против воли
Меня привезли по велению рока.
Нет, с грузом моей нескончаемой боли
Тебе не уплыть, похититель, далёко!

Да, здесь я одна, но, колхидянка родом,
Противлюсь всем умыслам злым и невздам.
Останусь Медеей, останусь собою,
Смогу устоять перед лютой судьбою!

С дорогой судьбы я не в силах смириться,
Не этой разьесть мои кости земле!
И те, что связали, ведь знают, взывая:
Надежда со мною, пока я живая.

Надеюсь на встречу, твержу твоё имя,
Ты выкупишь пленниц слезами своими!
Лишь этим живу, ты со мной, а иначе
С собой бы покончила, больше не плача.

Но, если уж мне не увидеть Колхиду,
Сгорит моё солнце, исчезнув из виду,
Я сгину, как птица, пропавшая в небе,
И нет меня в мире... О, страшный мой жребий!» –

– Медея, тоска твоя невыносима,
И пламя закатное неугасимо!
И скорбь неизбывна – с тобою мы схожи,
Обоих пыланье сжигает всё то же.

И воин и пахарь несклонны к веселью,
Рыбак и пастух с камышовой свирелью...
Все в горе, разбиты сердца у колхидян,
Лишь пламень, Колхиду сжигающий, виден.

III

В ПЕЩЕРЕ

Прометей

*Сегодня в оковах железных томлюсь,
Но время придет...*

Эсхил.¹⁰

Прометей Прикованный. Трагедия.

А годы угрюмо, как будто в темнице,
Всё длились, тянулись – не мчались, как птицы...
Я шёл по отчизне, скорбя, сиротея,
Она ведь тебя потеряла, Медея!

Одно меня мучило – чем бы помочь ей!
Гадал... И во сне не провёл я ни ночи!
И время в раздумьях текло до рассвета...
Но вот наконец я дождался ответа.

Промолвило море:
«Ступай к Абраскилу!»¹¹
И горы взмолились:
«Скорей к Абраскилу!»
Ограбленный дуб говорит:

«К Абраскилу!»
Дитя в колыбели кричит:
«К Абраскилу!»
И колхов знамёна:
«Лети к Абраскилу!»

Неужто пещера навек поглотила
Бесстрашного, полного сил Абраскила?
Будь рядом он, столько не вышло бы злого
И мы не лишись Руна Золотого!

Бродил я по родине, тяжело страдая,
Волна его чудилась мне золотая.
Измученный крепнущей болью утраты,
Вдруг слышу всевластного зова раскаты:
«Иди к Абраскилу! Про все свои беды,
Ему протянув свои руки, поведай!»

—...Весь мир изменился, и я – в подземелье,
Где молнии носятся в буйном веселье.
Иду,
Темноту рассекая, как землю,
Свой блещущий факел во мраке поднимаю.

Иду, всё иду по темнице пещеры.
Ни времени нет здесь, ни цвета, ни меры...
Но факел горящий несущу я в деснице,
Прозрачных утёсов поверхность искрится.

Пленяя, цветут Абраскила владенья,
Нельзя наглядеться на эти виденья.
Колонны встают, полыхают лампы.
Столпы ледяные, дворцы, анфилады...

Цветы из камней прорастают сквозь льдины,
Вот – бивни слоновьи, а дальше – рубины!
Рассыпанный жемчуг, льняные завесы,
Отточенных сабель клинки и эфесы.

Иду я, дивясь драгоценной пещере:
Жемчужные брызги, алмазные двери!
И все в самоцветах – озёрные воды,
В чудесных узорах – и стены и своды.

Так дивен пещерный чертог Абраскила,
Но боль моё сердце внезапно пронзила...
Ничто не прельстит меня в жизни глубинной,
Где сам Абраскил столь истерзан судьбиной.

Здесь камни слезами прожгло, просквозило,
В слезах дни и ночи проходят уныло.
Луч боли на скалы не может пролиться,
Слезам с красотой нипочём не ужиться!

По-прежнему тьму рассекаю я грудью,
Упорно иду, привыкаю к безлюдью.
Но вдруг обессилел, свой факел склоняя...
Никто не добрался в пещере до края!

Тут издали голос доносится гулкий,
Мгновенно проникший во все закоулки.
Он кажется мне, этот голос, знакомым...
Меня подземелье окликнуло громом:

«Ведь я это ранен, утратил Руно я!
Всё то, что случилось, случилось со мною.
Сгорел я до пепла,
Угас и ослеп я!

О горе Колхиды, о боли всё знал я,
О счастье людей, об их воле мечтал я,
Я отдал им силы и знания провидца,
Но участь моя – ледяная гробница!»

–... Хотел он, чтоб люди трудились умело,
Чтоб вешнее пламя светило и грело,
Чтоб выросло наше потомство не хилым...
Но разве сжились бы мы все с Абраскилом!

Прислужники бога в старании рьяном
Связали героя, пленили обманом.
И вот он к опоре прикован железной,
Изведавший муки, истерзанный бездной.

– Вы знать не желали о муках и столах!
Но я не похож на рабов покорённых...
Так знай же: я мира с судьбою не жажду,
Свой столб расшатаю и вырву однажды!

Пойми, что в тебе моя повесть продлится,
В тебе – моего непокорства частица!
О судьбах задумайся многовековых:
Не я здесь в оковах, а ты здесь в оковах! –

–...И я встрепенулся... Во тьме, в тишине я
На миг ужаснулся, застыл цепenea.
В душе воскрешало горячее слово,
Мои упования и муки былого:

«Ты хочешь найти меня, ходишь за мною,
Всё тщетно, ведь надо постигнуть иное.
Ты к истине ближе, чем думаешь, ближе!
В себе ты меня наконец-то найди же!
Одно у нас сердцебиенье, и целым,
Единым, нетленным становимся телом!»

...Хочу, в темноте пробираясь по звуку,
К нему подойти, протянуть ему руку.
Но так и стою, поднимая свой факел,
А голос героя не молкнет во мраке:

«Чтоб узы порвать, я и денно и ночью
Свой столб сотрясаю упорно и мощно.
Так бога осилю – что воля мне божья!
Качаю свой столб!
Свой раскачивай тоже!»

Притихла пещера, угасли сполохи...
Но вот уж доносятся тяжкие вздохи.

Геройское сердце средь стольких злосчастий
Привыкло к мученью, изныло от страсти.

Трясёт он свой столб, напряжен каждый мускул,
Но даже векам не унять трясогузку!¹²

Недаром ведь доброго слова колхидцы
Не скажут об этой коварнейшей птице.
От века дают ей поганую кличку,
Считают изменницей эту певичку.

Коль смеет близ дома она появиться,
Тут все восклицают: «Проклятая птица!»
Пещера полна нескончаемым стоном...
Вновь речь зазвучала во мраке бездонном:

«Ты силы своей же страшишься, как видно,
А сила твоя для живущих завидна.
Ты – жизнь для всего и всему ты опора,
Ты мир опрокинул бы! Хватит задора?

Не знаешь: могуч ты, как скальные глыбы!
Мы оба в цепях, но воспрянуть могли бы.
К терпению тебя призывают – не слушай!
Расшатывай столб и заткни себе уши!»

...Железо расплавят горячие речи.
Всё падают звонкие капли на плечи.

– Вернись же к народу, поникшему в муках,
И светоч держи, сохраняя для внуков!

...Стою я, дивясь небывалому чуду...

– Ступай же, с тобою я буду повсюду!
Мне видится: снова идут на Колхиду
Грабители-воины, грозные с виду.
Так стань же, не раз уже ведавший горе,
Для всех подорожником, зельем от хвори! –

Я замер, как вкопанный, перед судьбою...

– Ступай, не прощаюсь! Я всюду с тобою...
Ты цепи незримые носишь, страдая.
Для бога я – узник, бунтарь – для тебя я! –

... Назад я отправился, факел свой вскинув,
И слышен был издали стон Абраскилов.

И снова – угрюмые своды, провалы,
Глубокие заводы, гулкие залы.

Расстался я с обликом, тьмою объятый,
И всё же герой мне казался вожатым.
Вперёд меня звал этот голос пророка,
И, слушая, факел держал я высоко.
И вот уже выход вдали золотится,
И это – межа, дня и ночи граница!

Иду.

Позади – всё неистовство ада!

Борьба – впереди, и отважиться надо.

Плетусь меж камней дорогою узкой...

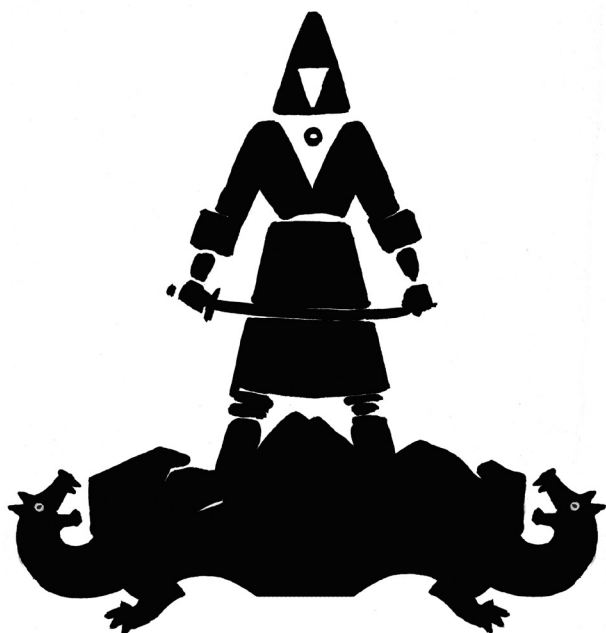
Вот вышел из мрака...

Как вдруг – трясогузка.

Вот мглой пещеры

Её поглотило –

Летела она навещать Абраскила!

IV

В СТРАНУ НАРТОВ!

Выйдя на воздух из тёмной пещеры,
В мире не вижу бодрящих примет.
Тучи тяжелые мрачны и серы,
Не пробивается солнечный свет.

Словно природа взмолилась о чём-то...
Край разорённый поник, изнемог.
Вот за дубравой, в дали горизонта
Вьётся над колхской апацхой¹³ дымок.

Вот пред апацхой я вижу пострела...
Всё-то хлопочет – мальчишке не лень,
Всё посылает он меткие стрелы
В столбик с распластанной шкурой – в мишень.

Он к незнакомцу бежит без опаски
И говорит мне: «С собою возьми!
Ты ведь туда, где, сжигая апацхи,
Вороги с нашими бились людьми?!

Я заспешил...
Ведь примета дурная –
Отрок с ружьем...
Но, цепок и мал,
Словно пиявка, ко мне прирастая,
Мальчик молил меня, не отпускал.

Слёзы он льёт: «Что же делать мне надо?
Что значит «родина»? И отчего
Все говорят о ней?..»
Ну, и досада –
Чувствую, мне не уйти от него.

– Что за враги
К нам пришли, убивая?
С кем там сейчас мой воюет отец?
И отчего это чтут Ареая?¹⁴
Кто он такой?
Ну, скажи наконец!»

... Так он глядел, что молению внял я
И, понимая, что не убежишь,
Мальчика поднял и к сердцу прижал я
И отвечаю: «Ну, слушай, малыш!

Нартов, чья слава в веках не поникла,
Всех – девяносто и девять, и в ряд
С храброй роднёй становился Сасрыква...
Да, был он сотый, побочный их брат.

Были они сыновьями Гуаши,¹⁵
Прявшей одежду для ста сыновей...
Разве они, прародители наши,
Смели послушаться Сатаней?!

Нарты могучие были едины,
Их золотая всевластная мать,
Лишь она выйдет на берег Кубины,¹⁶
Золотом вся начинается сиять.

Дивная Гунда была им сестрою.
Мать костным мозгом питала её...
Той же царевна блистала красою –
Было у братьев светило своё.

Нарты сражались, не ведая мира,
С воинской песней на битву неслись
Мощный Сасрыква, Нарджхьоу, Рарира,
Рад и Башныху, Кун, Хважарпыс...

Всё же Сасрыква был самым удалым,
Конь его Бзоу был неодолим.
Лучник, звезду зимней ночью сбивал он,
Жар отдавая всем братьям своим.

Рад был беречь от беды, опекать их,
Всё, чтоб счастливой Гуаша была!
Злоба проснулась в завистливых братьях,
Очи застлала им ревности мгла.

... Подвиги нартов, их все не опишешь,
Столько их здесь совершалось в былом!
Вот я спешу, но так жадно ты дышишь...
Всё же тебе расскажу об одном.

Нарта столкнули с гранитной громады
И полетел он в бездонный провал...
Братья домой возвращаются, рады,
Что богатырь, столь несносный, пропал.

Вот день и ночь всё в паденье Сасрыква,
Вот уж неделю во тьме он летит...
Вдруг, ослепляя,
Свечение возникло –
Мир незнакомый внезапно открыт!

Грянувшись оземь, но тут же воспрянув,
Счастлив Сасрыква – есть люди и тут!
...Берег морской, край цветов и платанов,
Башни чертогов до неба встают!

Всюду находит он дивные дива.
Так, но пустеют дома и дворцы,
Всюду дичают сады сиротливо,
Нет ни души... Или все – мертвецы?

Видит Сасрыква: старушка седая
Грустно сутулится, сидя в тени...
– Что тут стряслось? Что изгнало из рая
Стольких людей, где сегодня они?

– Ах, ни в садах никакого нам проку,
Ни во дворцах, где нам жить не дано!
Так наступившее время жестоко,
Всех нас чудовище сложет одно...

Ключ, нам даривший свежайшую воду,
Не иссякал, не иссох за века,

Ну, а сегодня уж нет к нему ходу,
Сдавлен драконом исток родника.

Сгинешь в горах от разбойничьих лап ты,
Если пойдёшь за водой к роднику.
Здесь вместо рая молчанье акяпты...¹⁷
Люди ушли, не осилить тоску.

Солнце от нас отвернулось.
Не знать бы
Яви, дурной, как мучительный сон!
Что там дворцы и сады, и усадьбы,
Если пути перерезал дракон!

Вот и моих сыновей проглотил он,
Всех семерых!..
На кровавом пиру
Солнце постыло мне,
Жизнь не по силам!
Здесь я останусь, от жажды умру...

Бился дракон с небывалым азартом,
Думал: «И этого я проглочу!»
Выл... Но Сасрыква-анашпа¹⁸ был нартом,
Нартскому всё покорялось мечу.

Так, но и в корчах, лишившийся жала,
Грозен был враг.
Было страшно упасть
В кровь, что пылающей грязью хлестала,
Сверзиться в пеклу подобную пасть.

Толщу, подобную жгучему студню,
Нарт обегал, проворачивал меч...
Утром в сражение сошлись,
А к полудню
Сбил богатырь злую голову с плеч.

Славит народ, возвращённый в жилища,
Подвиг Сасрыквы.
Пылают сердца...
Вот уж для пира готовится пища,
Праздник готовится в честь удальца.

Молят Сасрыкву, упав на колени,
Чтоб не покинул он этой земли,
Мир охранял бы воскресших селений!
Скипетр медный ему поднесли.

Нарт приумолк.
Глубоко, не капризно
Это безмолвье...
Стоящим вокруг –
«Что-нибудь больше мне, чем отчизна,
Разве предложите?» – молвил он вдруг.

Полно вам падать во прах предо мною!
Только исполните просьбу одну:
Дайте увидеться с отчей страной,
В нартскую дайте вернуться страну! –

Вот отыскали орла-исполина,
Вот уж, две сотни быков заколов,
Вяжут корзины – два с мясом хурджины,
Грузят на шею орла из орлов.

Вот и Сасрыква на шее орлиной.
Благословили его, и, спеша,
В путь он пустился, летит над долиной
В край, где его обитает душа.

Вот уже близко до неба родного,
Можно сказать, что совсем ничего...
Только клекочет снова и снова
Гордый орёл – пищи нет для него!

Кончилось мясо, слабеет все птица,
Рушится вниз
И сейчас упадёт...
Что ж, вероятно, герой возвратится
В край, где оставил спасённый народ?

Но ведь одна у Сасрыквы
Отчизна!
Надвое сердце рассечь бы не смог...
Режет он, кровью горячею брызнув,
Кинул орлу
Своей плоти кусок.

Машут широкие крылья орлана,
Снова родные пределы близки...
А на бедре уж глубокая рана...
Кычет орёл –
Получает куски...

Тело в крови,
Но всё ближе дубровы
Края, где нартские песни звенят.

...Может быть, братья, что так непутёвы,
Гибнут от стужи средь горных громад.

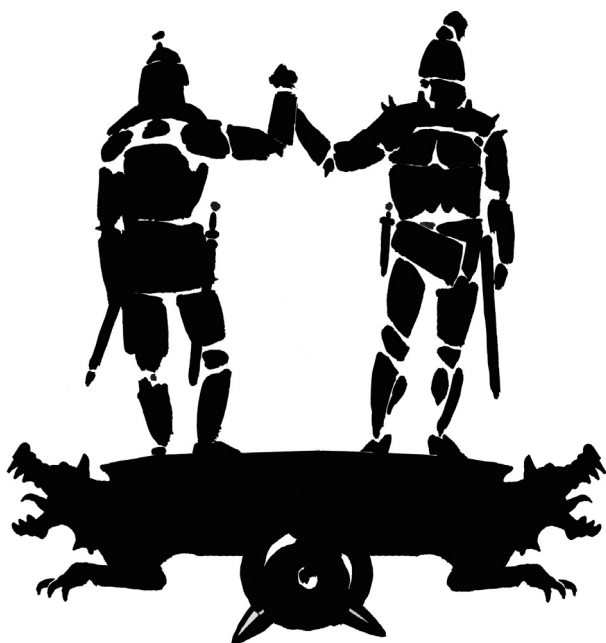
Сразу звезду он собьёт огневую,
Братьев согреет, их души спасёт,
Сразу утешит Гуашу родную,
Что погрузилась от многих невзгод.

Тут же заржёт и тоскующий Бзоу...
Мчится орёл и вызывает, жесток,
И, отвечая свирепому зову,
Нарт от себя отрывает кусок...

Думаешь, не было больно герою?!
Полно, не плачь, мне в глаза погляди!
Птице отдав
Своё мясо сырое,
Нарт не утратил отчизну в груди!

Спрашивал ты, как любить её надо,
Родину нарттов...
Взрослей становись,
Но, и мужая, люби её смладу
Ты, как Сасрыква и как Хважарпыс!..»

Эта земля, что под ноги легла мне,
Тянет далёко, к родной стороне.
В край, где в крови все прибрежные камни,
К милой Колхиде, что гибнет в огне!

V

КЛЯТВА

На поле Араша¹⁹
Народу и стягу,
Собравшись, бойцы приносили присягу.
Близ моря на площади
Строятся рати,
И столько в собравшихся мощи и стати!

Как волосы густо, стояли колхидцы.
Оружье – у всех, все готовы сразиться.
В кольчугах стоят силачи-великаны.
Вот – копья и луки, щиты и колчаны!

Наплечники, поножи и самострелы
А вот – катапульты работы умелой!
Мечи и ножи с топорами из меди
Стоят колесницы и рвутся к победе!

Народ, в чьих очах непреклонная воля,
Стал густ, как ростки конопляного поля.
Застыли, к защите отчизны готовы!
Я тоже стою в этой гуще суровой...

Но вот уж гремят барабаны и горны,
Раскатами круг заполняя просторный!
И вот появилась одна колесница
Стоит на ней Мрын,
Предводитель колхидцев.

Изведавший ужас пожаров и браней,
Сто раз побеждал он, сто раз был изранен.
Склонились пред ним боевые знамёна.

Мрын:

«Ко мне сто шагов!»

Все бойцы неуклонно
Теперь ряд за рядом давали присягу,
И все – сто шагов отсчитали по шагу.

Всех волею Мрына приветствовал Рады,
Пшеничной мукой оделяя отряды.

...Все молча стоят, и на каждой деснице –
Немного промолотой грубо пшеницы.
Вот сыплют муку в руку мощную Мрына...
Безмолвье сплотило здесь всех воедино.

Мрын:

«Все эти крупички раздробленных зёрен
Лишились той силы, чей дух жизнотворен.

Зерно жерновами растёрто сурово,
И прежним
Ему уж не сделаться снова.
Предавший отчизну, будь стар или молод,
Да будет, как это зерно перемолот!»

И все, что пришли сюда, став ополчением,
Жестокую клятву твердят с увлечением.
Тут каждый, застыв, простирая десницу,
В ладони – дроблённую держит пшеницу.
Она и в руке непреклонного Мрына...
Безмолвье сплотило здесь всех воедино.

Мрын:

«Мы держим в руках – обгорелые зёрна,
Утраченных свойств не добыть им повторно!
И вот, что случается с ними, со всеми:
Ростка уж не даст обречённое семя!
И жизнь не продлится – не жди урожая,
Всходящего, славу земли умножая!

Изменник да будет отторгнут от рода,
Пусть скот его
Также лишится приплода!

Да, участь его – стать зерном обгорелым...
Пусть будет изгою бесплодые уделом!»

И вторит заклятью на поле Араша,
Держа эти зёрна, всё воинство наше:

«Да будет бесплодье
Злодею уделом,
И участь его –
Стать зерном обгорелым!»

...Тут Рады встаёт перед войском Колхиды,
Он с зеркальцем медным
И с женской хламидой...
К врагу обратясь, от предгорий Кавказа
Все жаждут сраженья и ждут лишь приказа.

Мрын:

Кто волю предать и отчизну способен,
Да будет осмеян и женоподобен!
Пусть носит он женское платье при смехе
И зеркальце держит, забыв про доспехи!
Забывший о клятве в час ярости вражьей –
Пускай занимается шерстью и пряжей!»

От слов громовых сотрясалась равнина,
И все повторяли речения Мрына:

.....
– Кто волю предать и отчизну способен,
Да будет осмеян и женоподобен!
– Пусть носит он женское платье при смехе!
– Пусть зеркальце носит, забыв про доспехи!
– Забывший о клятве в час ярости вражьей,
Пускай занимается шерстью и пряжей! –
.....

Выводят слепого и глухонемого
Подростка, что немощней старца седого.
Проводят его перед войском, и сжалось
У каждого сердце, почувствовав жалость.

Ведут к предводителю... Встал недвижимо...
Виденья и звуки –
Всё немо, всё мимо...

Мрын:

«Как он обездолен, глухой и незрячий!
Ночь стынет, во тьме своей дни его пряча.
Умрёт – не увидит и райского сада!
Ему не расслышать и шум камнепада!

...Пусть жизнь подлеца
Тьмою будет одета,
Лишившей предателя звуков и света!»

Твердим:
«За измену да сбудется это:
Лишится предатель
И звуков и света!»

...Поклявшись, что места не будет измене,
Все знамя целуют, упав на колени.

И двинулось войско!
И скрылось из виду...
Ушло защищать от пришельцев Колхиду.

Мы шли, и казалась судьба всё безвестней...
Но пели мы прадедов гордые песни.
Старинные песни о нашей Отчизне,
О славных героях, отдавших ей жизни.

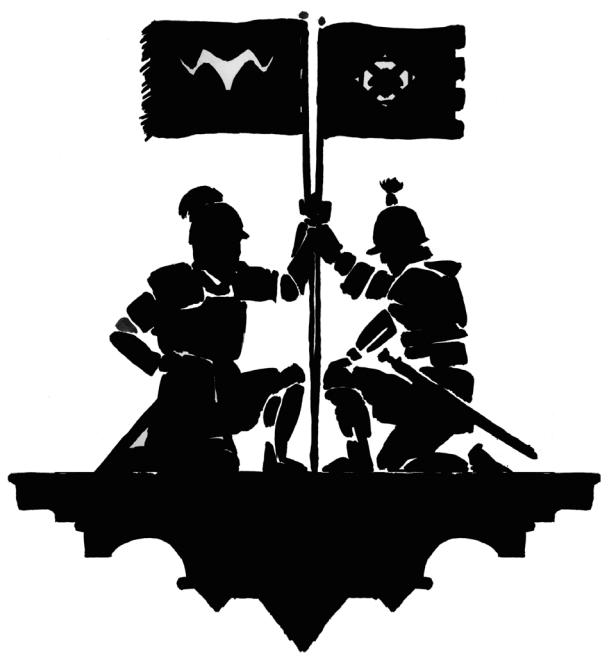
Над отчей землёй, пребывавшей в печали,
Над прахом отцов наши песни звучали.

Героев усопших мне виделись тени,
Светились их призраки в облачной пене.

Мы двигались,
Шлемы надвинув на брови.
Пыль солнце застлала, подобное крови.
Мрын мчался, как вихрь, по лугам и дубравам,
И взгляд его гневный казался кровавым.

Волнуясь, неслись мы навстречу апстарам²⁰,
Колхидское знамя я вскидывал с жаром...

Отчизна тяжелой войны ожидала,
И шло половодье огня и металла!
Молили мы, к месту прибыв,
Арея:
«Спаси, дай воспрянуть, врагов побеждая!»

VI

ЗНАМЕНА

Овеяны колхи военной славой,
Границы Колхиды – в окраске кровавой.

Отцы наши были могучи и смелы,
Знал враг их мечи и свистящие стрелы.

За родину кровь проливалась потоком,
И ранняя смерть стала воину роком.

Стареть и сидеть разве мог бы успеть он,
Для вражеских стрел слишком явно заметен!

В сраженье бросались бойцы вдохновенно,
Всегда находилась для павшего смена.

А трус, даже если себя сохранит он,
Протянет сто лет, но подобен убитым.

«Он там не погиб...» – так о нём говорили –
«Где наших отцов, наших братьев сгубили!

И там, где их ранили, не был он ранен,
Живёт среди нас, для чего-то сохранен...» –

Злосчастный, он тихо корпел и ютился...
Могли и сказать, что на свете зажился.

Телят мог пригнать и выкармливать птицу,
Над рухлядью ветхой безмолвно клониться...

* * *

Нашествия, войны. Века за веками.
Клинки, что стучали, скрестившись с клинками...

Стрелял камнемёт и огонь колобродил,
И падали всадники, выпав из сёдел.

Вставали герои с повадкой львиной,
И юность на копья бросалась лавиной.

* * *

Чужда была злоба колхидским героям,
Никто здесь морским не прельщался разбоем.

Но колхи на тропах, ведущих в Колхиду,
Вставали стеной, не прощая обиду.

Протяжные звуки военного горна
Вещали о бедах и звали упорно.

Сзывали нас эти тягучие звуки,
Тогда мы и брали оружие в руки.

Знамена Колхиды над воинством плыли,
Их матери наши соткали и сшили.

И ласковых рук материнских касанье,
Напев колыбельный запомнили ткани...

На колхской хоругви, над ратями взвитой,
Соседствует Солнце
С Ладонью раскрытой.

– О Солнце, о радость, о светоч горящий,
Весь мир пробуждающий, властно живящий!
Как древле, бросаешь на горные гряды
Лучи свои, полные жгучей отрады!

О Солнце, о радость, о благо природы!
Живому ты светишь бессчётные годы,
Живое ты нежишь своим златолучьем,
Живущих ты множишь веленьем могучим!

Чащобам и птицам, растенью и зверю
Даруешь ты счастье, смягчаешь потерю.
Колдуешь с лозой, с огородом и садом...
Висишь высоко,
Но лучи твои рядом.

К ним тянется рыба из донного ила!
Лицо моё ты в этот миг озарило.

Пресветлое Солнце, любимое нами,
Не зря ты украсило колхское знамя!
Но нет для тебя средь живущих чужого,
Не колхам одним – светоносное Слово!
Но всех порождённых тобою ты греешь,
Божественной силой хранишь и лелеешь!
И милостью полон весь мир золотою!
И всех ты спасаешь своей добротой!

Ты – с нами, но светишь врагам...
Ты – и с ними!
И все мы живём
Под лучами твоими.

Всегда животворно и огненно-ало,
На знамени колхов не ты ль воспылало?!
Святыни чужой не стремимся похитить,
На знамени нашем клинка не увидеть!
О Солнце, свети нам, лучами лаская
Всю милую землю
От края до края!

...Пусть вражеский лучник стрелять постыдится:
На знамени колхов раскрыта Десница!
И знак говорит: «Заходи в наши чащи!
Добром тебя встретят, добро приносящий!»

У нас – всё для гостя, пусть он и нечаян...
Гость в дом заходил, и светился хозяин.

Ты – в горе, и он погорюет с тобою,
И дружба святая была здесь судьбою.
Колх, гостю подавший десницу,
Отныне
Сам стал его правой рукой и твердыней.

Пришельца стрела, не осмелся вонзиться!
Раскрыта на знамени колхов Десница.
Пусть добрыми будут в касаниях руки,
И люди заботы полны друг о друге!
Коль нас у ворот своих встретил хоть кто-то,
Пред ним и свои не захлопнем ворота!

Никто не возжаждал здесь кровопролитий...
Вот – наша Рука! Нет меча в ней, глядите!

Рукой матерей наших, звавших к отваге,
Колхидские сотканы славные стяги.
Запомнив тепло доброты беспредельной,
Рождались они под напев колыбельной.
На колхской хоругви, над ратями взвитой,
Соседствует Солнце
С Ладонью раскрытой.

Всё так, но покой здесь наступит едва ли...
Враги эту землю веками терзали.
Так вьются свирепые пчёлы роями,
Гонясь за добытчиком мёда,
Как пламя.

Склоняясь над зыбками, матери пели,
Под песню росли сыновья в колыбели,
Росли и владеть обучались оружием,
Чтоб каждый здесь вырос бы доблестным мужем.

Есть дело святое – защита Колхиды,
Коль родина в горе, не сдайся, не выдай!
И гибли они, головы не склоняя,
Тела их земля принимала родная.
Лежали они на восход головою,
Вставали надгробья над рослой травой...

А волны вскипали, а небо темнело,
Война не кончалась, и здесь то и дело
Бойцов, свои жизни отдавших народу,
Всё вновь, головой повернув их к восходу,

Друзья хоронили, прощаясь в печали,
И крест в изголовие павших вбивали.

* * *

Колхи, колхи, ваши кости святы!
Днём и ночью загораясь снова,
Ваши души светятся, крылаты, –
Дети неба моего родного!

Чту я память мужества и муки,
Вы нетленны в списках поименных,
И, волнуясь, я целую руки,
Чьи изображенья – на знаменах.

Стрелами в жестокой передраге
Вы врагов сражали ненасытных,
И взмывали к небу ваши стяги,
Непрестанно реявшие в битвах.

Вы несли их, лихи и удалы,
Сквозь огонь, через моря и страны,
Поднимали на крутые скалы
Стяги, что от ваших ран багряны.

Войско песнь походная бодрила
И взывали боевые горны,
И на всех текла, струилась сила
От знамен отчизны непокорной.

Здесь никто не погибал без славы...
– Родина, найду ль в тебе хоть взгорок,
Хоть клочок поляны иль дубравы,
Где твой лютый не схоронен враг?!

* * *

Вам вечная слава, бойцы-знаменосцы!
Младенцы без вас бы томились в сиротстве.
О тени, вы все – наших дел очевидцы,
И песням о вас никогда не забыться!

Мать павших героев, ты благословенна,
Потомством светла, чьи бессчетны колена!
Вам слава, знамена пронесшие к цели,
Что в жгучую стужу, как солнце, нас грели.

Так пусть же ваш пламень хранят поколения!
О павших Колхида свершает моления.
Пусть слава не меркнет погибших под Ваном,
В Апсаре и в Путе на поприще бранном!

И видятся павшие в битве на Эграх,
Где помнят о вражеских полчищах беглых.
В бою на Аалдзге не знавшие страха
И кровь проливавшие на Абаж – аху.

Пусть помнятся вечно погибшие в Мокве,
На Мрамбе, где травы от крови промокли!
И с ними – погибшие на Ачапаре,
И те, что остались на Ацангуаре!

И песня всех тех, кто погиб на Кодоре,
Бессмертна и вспомнится в счастье и в горе.
Не будете, спасшие Скурчу, забыты
И давшие Ашхуацырте защиту!
На месте, зовущемся «Смерть исполина»,
И на Папанцуре – с отвагою львиной!

Вовек да не будете вы позабыты,
Все те, что на Басле легли на граниты!
И все на Баглане, на Пскале, на Псыше,
Чьё ярко сиянье
И в сонме погибших!

Забвения нет
Вам, что гибли на Псоу,
На Лдзаа,
В Шапсугии, верные зову!

На Аджру принесшие родины имя,
Злодеев разбившие на Асар-рымья!

Надежду задувшие хлынувших шало
На жизнь Ачабгаларты в бешенстве шквала.

Воздвигшие здесь, упреждая измену,
Великую нашу Абхазскую стену!

Склоняюсь пред вами, погибшие в Лыхны!
Врагов ваших злоба и зависть не стихли...

Несли вы колхидских знамён вереницу,
Как душу свою,
Охраняли границу!

Свет доблести вашей – как будто заря нам!
Так жарко горит на утёсе багряном.

Горят ваши звезды,
Бойцы-знаменосцы!
Младенцы без вас бы томились в сиротстве...

VII

КОЛХИДСКАЯ СВАДЬБА

О колхская свадьба, о радость святая!
Три дня и три ночи без роздыху длится.
Готовятся все,
Все ликують, считая
И честью и счастьем на ней веселиться.

Повсюду теснятся шатры и апацхи,
Стекаются колхи к священному месту,
Уже созревает напев залихватский...
Но ждут они,
Жаждают увидеть невесту.

Подарки везут: и быков и оленей,
Рога и оружие, поделки из кости...
Приехав из ближних и дальних селений,
Их дарят от сердца бессчетные гости.

И вдруг долгожданно и всё же нежданно
Летят верховые, за ними – другие...
Ну, вот, и невесту ведут.
Тонкостанна...
Взгляни – светлолика, подобна богине!

Нет лучшего дня, нет прекраснее пира,
Чем этот, природой дарованный людям.
Вот «Радеду»²¹ сам запекает Рарира,
И голос его бесподобен и чуден.

И песня стозвонная, всех умилая,
Дав радостный выход мечтанию и пылу,
Летит над побережьем нагорного края.
Усопших разбудит, даст раненым силу...

Едят здесь и пьют, длится пир трое суток,
Но в том ли вся прелесть и в этом ли дело?!
От песни до песни так мал промежуток...
И в полную мощь песнопенье гремело.

Все хлопают в такт, а затянутся хоры,
Знать, время пришло для лихих переплясов,
И вот уж во двор выбегают танцоры,
Парадный наряд серебром препоясав.

А дальше, для всех представление устроив,
И сменой зрелищ и многоголосьем
Восславят здесь подвиги древних героев,
Чьи гордые образы в сердце проносим.

Вот снова поёт, всех волнуя, Рарира,
И нежит сердца этот голос абхазский.
Вот – Гунда Прекрасная – ахахаира!²²
Вот мощные нарты проносятся в пляске.

И слышится голос пленительный Гунды,
Как будто доносится он издалёка...
– Пронзающий голос, как нежен и юн ты,
И словно о каждом тоскуешь глубоко!

Гуаша великая пир оглядела,
И словно бы пряжи извечные нити
В движенье прядет она мерно, умело,
И шествуют сто сыновей в её свите.

Сходясь, расходясь, пляшут все беспрестанно,
Не раз хоровод и проплыл и отплавал...
Поёт, не смолкая, свирель Кетуана,²³
Звучит апхиарца, нам вечно желанна,
Аюмаа, ахымаа и адаул.²⁴

Взгляни – ослепительны дети Гуаши,
Вот блеск, что как будто был ранее скрытан!
Сто нартов явились и вот уже пляшут,
Всем сонмом, всем хором сплотившись в шаратын...²⁵

А здесь – состязанье, все рвутся к победе.
К ристалищу множество взглядов приникло.
Сверкает, сшибаясь, оружие из меди,
Стрелою звезду поражает Сасрыква.

Вдруг вышел танцор богатырского роста,
И всё засверкало, зажглось, заискрило...
Так чьи же, скажи, эта стать, эта поступь?
По ним узнают самого Абраскила!

В пещере томившийся, року противясь,
Он – тот, кто разбил вражье полчище злое!
Столб выломлен с корнем, оборвана привязь...
Он выбрался к свету! Встречайте Героя!

Он пляшет, бунтарь, так свободно и властно,
Как молния в небе и птицы в полёте.

Готовый народу служить ежечасно,
Для бедных души не жалея и плоти.

Он бешено пляшет средь грома и лязга,
Всю вольную душу в порыве отдав нам,
И древняя эта, могучая пляска
С его осеняется именем славным.

Не выдаст искусник приёмов и правил,
И, тайною пляски всецело владея,
Внезапно танцор воспарил и растаял...
Дивится весь мир волшебству чародея.

Примчались ацаны,²⁶ и с ними козлище.
В стране их – ни ветра, ни вьюги, ни хмури...
До самой земли у козла бородачи.
Она шевельнулась – повеяло бурей!

Пришла их погибель: метелью из ваты
Все вдруг замело, и сверкнула, нагрянув,
Слепящая молния и под раскаты
Посыпались искры на бедных ацанов.

...Бушует стихия и, чтобы сгореть в ней,
Как юноша, пляшет их царь трехсотлетний –
В неистовом танце, средь гула и крика,
На цыпочках мчится ацанов владыка!

Вся пламенем жарким страна их объята,
То мечутся в огненной пляске ацаны,
Стал двор их страною, шумят бесновато...
Все колхи им хлопают, радостно-рьяны.

Поодадь – как будто собрался весь мир там
И крики восторга всё длятся не смолкнув, –
За пляшущим все наблюдают Апсыртом,
Хмельным, солнцеликим царевичем колхов.

На цыпочки встав, реял в небе и плыл он...
За царским прекрасным и доблестным сыном
Следили красавицы... Стольких пленил он
В отважном полёте своём ястребином!

К Медее-сестре, ритм лелея напевный,
Приблизился он – стало пляшущих двое...
О, как величавы царевич с царевной!
И плещет под ветром руно золотое.

Медее вся в золоте, вся в златоткани.
Краса неземная пьянит, пламенея,
И словно из солнца ланиты и длани...
Все взгляды – на ней, все мечтания – с нею!..

Народу на свадьбе не то, что немало, –
Тьма тьмушая! Все взбудоражены пляской...
И сердце пленённое затрепетало,
Душа устремилась к царевне абхазской.

Решившись, Апсырта сменив наудачу,
Я с нею лечу в круговерти воскрылий
И думаю: «Боже! Её ли утрачу!
Её ли, похитив, отчизны лишили?!

О, нет, быть не может подобной утраты,
Ты – в колхских сердцах, ты в душевных глубинах,
Ты рядом... Живу я, покуда жива ты!
Храни нас Господь на дорогах судьбинных!»

Мы пляшем – открылись ворота Эдема,
Мы пляшем, травы не касаясь зеленой,
Я вижу
Застывший восторженно-немо
Круг светлых людей, красотой озарённый.

И вновь свою песнь запекает Рарира,
Высок этот голос, томленьем объят он,
Звучит апхиарца, колхидская лира,
На свадьбе колхидской бушует шаратын.

И младость и старость – одно в хороводе,
И в том волшебство и великая сила...
Так песен и плясок бурлит половодье,
Что всех подружило оно и сроднило.

Тут, всех ослепив во мгновение ока
Своим появлением, смущающим разум,
Пришли амазонки²⁷ – они издалёка,
И всё же родня земледельцам-абхазам.

Себе они правую грудь отрезали,
Так было удобней стрелять им из лука...
Разбить их врагам удавалось едва ли,
Сражаться с такими – злосчастье и мука.

Когда они в конной несутся погоне,
Врагам не видать ни пощады, ни плена,
Ведь, вскинувши луки и в самом разгоне,
Умели стрелять они одновременно.

Обидь одногрудых – ужасна расплата!
...Но день угасает, заваяло дали.
С закатом вбежали во двор медвежата
И вместе с медведицей колхам сплясали.

А танец медвежий, а «Иааирума»
С притопом, с прихлопом, с привычкой к гримасам
Пленил пастуха среди общего шума
Своим волшебством и смешным переплясом.

И, вторя движеньям медведицы дюжей,
С гурьбою пастух топотал плутовато,
Смеша нас,
Ворочаясь так неуклюже...
И вдруг все исчезли, сбежали куда-то.

Как будто растаяли в дальней вселенной...
Но, чуть погода,
Возвратилось виденье.
У всех своя прелесть, свой облик нетленный,
Быть с ними и видеть их всех – наслажденье!

Гуаша, сто нартов, Сасрыква суровый,
И светлая Гунда, сокровище мира,
Медея с Апсыртом – являются снова,
Поскольку их вызвал всевластный Рарира.

Молился народ, чтобы длилось и длилось
Стозвонное эхо волшебных созвучий...
То пение Гунды, чаруя, струилось,
Семь гор одолело, рассеяло тучи.

И Песня Раненья, целящая раны,
Как песня всех песен, как голос гиганта,
Как времени крылья сквозь годы и страны
Летела, гремя во всю мощь «Шьардаамта».²⁸

Оружье и утварь явились из дымной
Громады столетий живых и отживших,
И предков гремят величавые гимны
В честь Солнца, Луны и святых Ажвеипшаа.

... Я был среди них, я их пению вторил,
Пел вместе с народом и славил Гуашу,
Чья милость простёрлась над полем и морем,
Сходила на горы бессмертные наши.

Не зря освятили вы колхскую свадьбу,
Прославив и дом, и очаг, и усадьбу!
О Гунда, Медея, Апсырт и Рарира!
И не было в мире прекраснее пира,
И сам Абраскил, что расстался с пещерой,
Здесь черпал все радости полною мерой.

Вы, чьи имена мы, с забвением споря,
Хранили, как храмы свои и твердыни,
И в доме любом, и на каждом подворье
Досель сберегаются, чтятся доныне!

VIII

САУ-НАУ

*Пашет одною рукой,
Держит оружие другой.*

Овидий²⁹
Скорбные элегии

Молился о мире колхидец на Эгре:
«Всевышний!
Молюсь,
Чтоб мы горя избегли!
Потомство моё не сгуби ненароком,
Дай сбыться мечтам о полёте высоком!

Вот – руки в мозолях!
Ты дождик и ведро*
Мне вовремя дай!
Не оставь без присмотра!

Чтоб стало привольно и почве и плугу,
Чтоб пахарь и пашня привыкли друг к другу,
Чтоб не было больше войны сумасбродной,
Веками терзающей мирный народ мой!

* Ведро – ясная, солнечная, сухая погода.

Младенцу даруй и заботу и благо!
Пусть буря щадит нас, и пламя, и влага!
Молю, сохрани нам плоды урожая,
И зелень лелея, и скот умножая!

Щади нас, дающий нам свет и цветенье,
Затем – увяданье, и после – спасенье!

Гляди же –
Мозолисты руки... Пошли мне
Лишь в должное время и солнце и ливни!»

Колх
Пылко молился в верховьях Кодора.
В Амзаре,
Пред мощью морского простора,
В предгорьях на Бзыби,
Близ Псоу, в излуче,
Молился он, к небу воздев свои руки.

Семья вокруг него богомольно теснится...
И с жертвенной печенью, сжатой в деснице,
Молился колхидец,
В молитве клонился,
Земле он молился
И древу молился,
Луне он молился
И Солнцу молился.

Молился, чтоб солнце над миром вставало,
Молился...
Горела свеча, не сгорала...

Он многие муки изведal в дороге
И чтились им в древности многие боги.

Но только одно божество средь развала
Мне рухнуть и духом упасть не давало,
Пленившее сердце,
Вливавшее силу...
И я возрождался,
Внимал Абраскилу:

«Твердят тебе: «Муки стерпи, не упорствуй!»
А ты не сдавайся, раскачивай столб свой!»

...Я шел на рассвете
И сеял я зёрна,
Чтоб солнцем они налились животворно.

За плугом я шёл,
Слыша издали некий
Таинственный голос, родимый навеки:

«О, Сеятель-Пахарь!
Сегодня, как древле,
Бросаешь ты зёрна в весеннюю землю!
Склоняюсь до самой земли пред тобою,
Твоей осенённый высокой судьбою.
Знай, жребий того будет жалким и малым,
Кто, ставши врагом тебе,
Блещет кинжалом.
Но именно ты даже в сваре кровавой
Спасаешь, о, Сеятель, мир от потравы!
Земля, что от бедствий безмерно устала,

Когда бы не ты, вся пустынею стала...
Так было и утром в день первого сева,
И ныне под звуки того же напева.
Ты сеешь и сеешь...

За эти усилия
Пусть даст тебе Бог
Полноту изобилия!

Нет, Сеятель, в жизни
Важнее работы,
Чем эта твоя...
Будь достоин её ты!

Сияй же, о, Солнце, свети яснооко
Тому, чей посев
Созревает для тока!

Потомство семян его жизнелюбивых
Пусть радуется всех, золотея на нивах,
И, ставши колосьями крепкого корня,
Пусть зреет, весь мир изобилием полня!

Так пусть же, волнуясь, как многоголосье,
Восходят твои золотые колосья!
И пусть всем живущим, всему многолюдью,
Дозволено будет дышать полной грудью!».

... Рождался в полях урожай, созревая,
И празднество близилось – День Урожая.
Мачар³⁰ клекотал...
В шалаше и в чертоге
Все в честь очага поднимали мы роги.
Молились Айтару³¹ с мечтой о желанном,
Щедрейшего чествуя бога Жвабраном.³²

«Еще ты нужнее стал миру!
От Бога –
Твоя трудовая, святая дорога!»

* * *

Путь был крут, стезя сурова...
Так,
Но нет пути иного!

Был лишь труд спасеньем чудным,
Тягостным бывал и нудным,
Но звучит, борясь с дремотой,
Песнь, рождённая работой:
«Сау-нау!³³ Сау-нау!
Эй, мели, мели на славу!
Миски я тебе вручаю
И корыта возвращаю!»³⁴
Сау-нау! Сау-нау!
Сау-нау! Сау-нау!

Перемалывай, мели же,
Сделай белым то, что рыже!
В пыль мели, перетирая,
По сусекам засыпая!

О, мели, мели с отрадой,
Молотильщиков порадуй!
Пусть лишь радость дарит пища!
Пусть гостит лишь друг в жилище!»

Дни тянулись в чистом поле,
Колхи сеяли, пололи,
Шли на жатву, пожиная
Изобилье урожая.

День и ночь всё вновь, сначала,
Эта песенка звучала:

«Сау-нау! Сау-нау!
В пыль мели, перетирая,
Прямо в яму засыпая!

Сеятель, будь счастлив севом!
Сау-нау! Сау-нау!

.....

Воин, будь в сражение смелым!
Сау-нау! Сау-нау!

В дом пришла ты, молодайка,
Это – к счастью, так и знай-ка!
Сау-нау! Сау-нау!

Месиво, чтоб мельче было,
Раздави, сдави, как мыло!
Сау-нау!
Сау-нау!

.....

Обдирая,
Растирая!
Сау-нау!
Сау-нау!

Яму засыпай помолом!
Сау-нау!
Сау-нау!

.....

Двигай жерновом тяжелым!
Сау-нау!
Сау-нау!...»

Жернова мололи живо
День и ночь без перерыва.
Лился, не переставая,
Пот, как песня трудовая...

Но и звуки колыбельной
В гул вплетались нераздельный:

– Этот мальчик нежный, гибкий,
Он заснул ли в лёгкой зыбке?

– Спит он, дремлет, сладко спится
В мягкой шубке из куницы!

– Спит, не спит ли – знают няни!
Но не плачет... Шьышь-наани!³⁵

– О, не зря под мирным кровом
Сном лесным он спит, здоровым!

– Коль уснул он в колыбели,
Знать, таков он в самом деле.

Дожидайся пробужденья!
Он ведь в глаз сразит оленя,

Будет добывать дичину,
За год выросший в мужчину.
За год вымахнет в детину,

Став подобным исполину! –
Плуг ему был уготован,
Но и крепкий меч откован.

– ...Вас обнять бы, братья-колхи!
Не забывшие о долге,
Нашу жизнь и наши были
Вы стеной огородили.

Лить вы не хотели крови,
Так, но было вам не внове
Горе многовековое...
Не досталось вам покоя!
Но хоть время всё мололо,
Вы из пепла и подзола
Наше вынесли преданье,
Без надежд на воздаянье
Нашу суть спасли, а сами
В лютое вступили пламя...

Вас обнять бы, братья-колхи!
Не забывшие о долге,
Вы стеной огородили
Нашу жизнь и наши были,
От врага спасая злого
Наш язык – родное слово!

IX

ЯЗЫК – ЗЕНИЦА ОКА

...Язык наш, о наше всезрящее око!
Как солнце,
Сияешь ты, колхское слово!
Когда б ты исчез
По велению рока,
Мне станет не нужно Руна Золотого!

Мерцающий жемчуг
И связь корневая,
История наша, спасительный свет мой!
Коль смолкнет звучанье твоё, убывая,
Тоска по Медее становится тщетной.

...Душитель твой
С запада шёл и с востока,
Грозил тебе враг,
Надвигавшийся с юга,
И шедший от севера,
Стиснув жестоко,
Бессилья желал твоего
И недуга.

Язык наш, нет в мире прекрасней жемчужин!
Надежда и тайна моя золотая,
О, как ты целителен,
Как ты мне нужен!
Как душу,
Берег я тебя, почитая...

Всегда непреклонный,
Ты колхский лелеял
Напев колыбельный – нет большей отрады!
И шел ты нелёгкой стезёю моею,
Какие бы там ни мели снегопады.

Свобода моя ведь была и твоею –
Сегодня,
Как древле,
Мы дышим лишь ею...

Когда угасал ты,
То гаснул и я ведь!
Под гнётом душа изнывала живая...

Коль спину тебе удавалось расправить,
Я шире глаза открывал, прозревая.

Властители были к нам неблагоклонны,
Рубцы на спине оставались от плети,
Плодились и все не кончались драконы...
Но всех пережил ты за столько столетий.

Тебя защищал я, о, Родина родин!
Тебя выносил из пожара, из битвы...
Дивит меня путь,
Что тобою был пройден,
О, совесть моя, моё око, гранит мой!

И ты выживал, отзываясь далече,
О, колокол гулкий отеческой речи!

В тебе – наши песни, тревоги, томленья,
Преданья и сказки,
И тайна, и сила,
Все корни событий
И все ответвления,
Обрубки, что время, сломив, отточило.

Речь, милая сердцу, душе дорогая,
Есть святость в тебе материнского млека!
Всё кто-то встаёт, на тебя посягая,
И с ними сражение ведётся от века.

В тебе сочетались истории звенья,
Стена крепостная, свеча и святыня!
Ты – песнь о героях и песня раненья,
Моление, что сердце волнует доныне!

Глумились враги твои, злы и убоги,
Богатство узрев твоё,
Злом пламенея,
И льстили,

Твои пресекая дороги,
Но в горе любил я тебя лишь сильнее.

Покуда звучал ты, покоя не знали,
Не ведали отдыха и утоленья,
А если б осилили нас и связали,
Сбылась бы мечта о твоём истребленье.

Тебя мы не предали в лютые зимы,
Твою отстаивали святую свободу,
Наш светоч негаснувший, неугасимый,
Завещанный пращуром колхскому роду!

Тобой мы питали свои поколенья,
Тобой освящалось в них все человечье,
Щедро дарил ты полет вдохновенью,
Ты почву и крылья отдал красноречью.

На мне – за тебя эти старые шрамы,
Мечами рубил меня
Враг оголтелый,
Но ты не сломился, язык мой упрямый,
Тупились в тебя устремленные стрелы.

Уж, как ни бесилось свирепое пламя,
Уж, как ни теснила нас вражья фаланга, –
Жемчужина наша, осталась ты с нами,
Ведь ты не могла уместиться на «Арго»!

Широкий, как мир,
Был ты чистым и щедрым,
С поющим в дороге шагал, подпевая...
С открытой душою
Приникшему к недрам,
Душа
Открывалась твоя звуковая.

...Душитель твой
С запада шёл и с востока,
Грозил тебе враг,
Надвигавшийся с юга,
И шедший от севера,
Стиснув жестоко,
Бессилья желал твоего
И недуга.

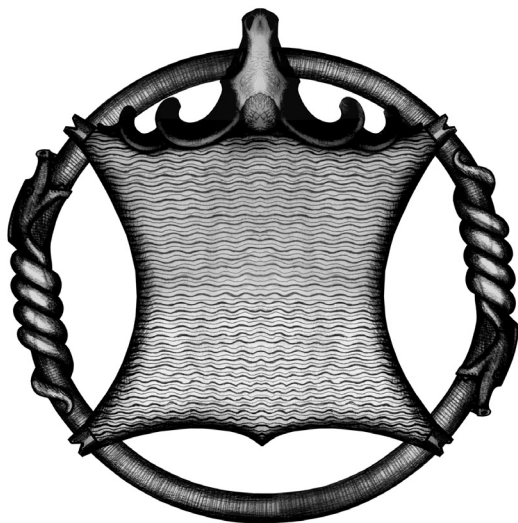
О, разве, когда б ты погиб, не исчезли
Мы все в тот же миг? И во мраке нависшем
Не сгинули б наши присловья и песни?
С тобой бы ушло все, чем сызмальства дышим!

Наш мир опустел бы от края до края,
И этой ничем не заполнишь пустыни.
Звезду, что с небес покатилась, пылая,
Ничем не заменишь в безбрежности синей.

Гори, как звезда,
И не падай, не гасни!
Пусть колхские звезды вовек не померкнут!

В жилищах светись, расцветай всё прекрасней,
Будь жив, наш язык, никогда не отвергнут!

...Язык наш, о, наше всезрящее око!
Как солнце,
Сияешь ты, колхское слово!
Когда б ты исчез
По велению рока,
Мне станет не нужно Руна Золотого!

X

ВОЗВРАЩЕНИЕ

*Река вернется к своему
золотому руслу.*

Абхазская пословица

В поле, как прежде, хожу я за плугом,
С медной мотыгой по полю иду,
Скот я пасу
По холмам и яругам,
Мехи вздуваю и плавлю руду.

То сенокос у меня, то охота,
То своенравную реку пленив,
Я добиваюсь её поворота,
Воду беру я для жаждущих нив.

Спелые грозди ношу я в корзине
И наношу на кувшины узор,
А корабли мои
В плещущей сини
Бодро плывут и уходят в простор.

Тянутся к солнцу побегу живого...
С детства я тоже тянулся к нему.
Так, но невзгоды всё снова и снова
Гнули меня и тянули во тьму.

Молнии с треском и с грохотом адским
Рушили всё,
И, тяжёл, темнокрыл,
Ворон парил надо мной и в апацхе
Ветер злосчастья кружился и выл.

Оберег не помогал,
Не внимало
Небо
Молитве смиренной жнеца...
Были печальны мои аюмаа
И ахымаа, и апхиарца.

Годы тянулись.
Багряно и ало
Солнце вставало
И шло на закат...

Пел я, коль сила моя иссякала,
Песню Раненья³⁶
Средь стольких утрат.

В храм я входил,
Где сиял величаво
Образ Спасителя.
Страстно звучало
Слово молитвы и длился обряд.

* * *

Пахотной здесь мне земли не хватало.
Солнце вставало
И шло на закат...

.....
Тяжких долгов уплатил я немало,
Солнце вставало
И шло на закат.

.....
Родина колоколами рыдала,
Неумолкающий голос металла
В этих полях раздавался, скорбя...

– Небо, внемли! Не объять твоей шири!
Мог бы хоть что-то хоть кто-нибудь в мире
Здесь, на земле, утаить от тебя?

Счастья искал я
Не только на небе,
Лучшую долю искал на земле.
Но предначертан и вечен мой жребий...
Тянут волы колесницу во мгле.

* * *

И не было легкой дороги,
А впрочем,
Её не искал я...
Но ждал, что в краю,
В наследство оставленном предками, отчем
Хоть дети
Удачу добудут свою.

Того я желал,
Чтоб Руно Золотое
Страна берегла,
Чтоб висело оно
На древе Отечества...
Жаждал того я,
Чтоб каждый имел Золотое Руно!

Хотел, чтобы счастья не крали чужого,
Чтоб в людях иссякнул воинственный пыл,
И пахарю пахарь стал братом,
Чтоб снова
К нам «Арго» разбойничий вновь не приплыл.

Но я под оброком клонился устало.
А солнце вставало
И шло на закат...

.....
И пахотной здесь мне земли не хватало...
А солнце вставало
И шло на закат...

.....
И шёл я и падал, душа изнывала.
А солнце вставало
И шло на закат...

* * *

Колокол гудит, как прежде...
Верен я
Своей надежде.

Пядь за пядью, шаг за шагом –
Путь по взгорьям и оврагам...

И над пропастями всеми
Мне мерещится всё время,
Что приблизилась Медея
И Руно растёт, светлея.

Отступлю – они далече,
Двинусь к ним – они навстречу!

.....
Пядь за пядью, шаг за шагом –
Путь по взгорьям и оврагам.

Длились дни и переходы,
Плыл я, рассекая воды.
Столько пролил слёз и крови,
Но мученья мне не внове...

Мгла меня не победила...
Звучен голос Абраскила!

* * *

В сверкании молнии конское ржанье –
Как свищущий вихрь
И лесов содроганье.

Такого, как этот,
Я дня не припомню...
О, не было битвы страшней и огромней!
Здесь конница мчалась

Под яростной плетью,
На гибель несло
За квадригой квадригу...

Мгновение, равное тысячелетью,
И тысячелетье, подобное мигу!

Так вдруг, незначай
Назревает и брезжит
Средь будничных дней
Роковой и судьбинный...

Орудья грохочут,
И слышится скрежет
Мечей,
Обагряющих кровью долины.

О, день долгожданный!
Вот Солнце,
Дотоле
Бесстрастное,
Красит холмы и откосы...

Народ поднимается,
Жаждающий воли,
И многоязыкий,
И многоголосый.

Все давшие клятву,
Себя не жалея,
В сражение рвутся,
И вот оно, время!

Послышалось: «Шнеибац!»
С кличем «Смелее!»
Все двинулись в битву,
Я вместе со всеми.

При молниях кони хрипели и ржали,
Холмы и долины в крови утопали.

Дрались беззаветно
В огне, в буре вале.
Что выстрелы нам, что нам жар преисподней!

«Не завтра!» – одно мы в душе повторяли...
– Не завтра, не завтра,
Сегодня, сегодня!

И слава врагов
Разлетается пылью...
Крушу их...
Вон тех и один я осилю!

Железом – чертей просквою, изувечу!
...Но вдруг оглянулся...
Всё светится море.
И что же я вижу!
Идёт мне навстречу
Медя в своем драгоценном уборе!

Иль то наважденья
Волшебная сила?
Но так это близко и зримо, и живо...

Неужто крыло трясогузка сломала?
Открылись пути, и не сдержишь порыва...

Да, волей Всевышнего дивное диво
Явилось, и всё миновавшее живо...

Медея, прекрасные вытянув руки,
Руно Золотое несёт, постирая!
И всё озарилось – побережья излуки
И море, и горы родимого края.

Руно стало краше, чем в день похищенья,
Немыслимым залиты светом селенья...
Всё кажется сном, невозможной мечтою!

Идёт по волнам золотистым царевна,
По лёгким бурунам, что плещут напевно,
Спешит возвратиться Руно Золотое.

* * *

Взор Отчизны моей беспечален отныне,
Засияла страна, возвращая святыни!

И ограбленный дуб не грустит безутешно,
До корней озарён, с тьмой расстался кромешной.

Шедших грабить, губить нет! Народ победил их!
Кто теперь сокрушить наши крепости в силах?

В золотое река возвращается русло,
Оживает земля, что в плену заскорузла.

Блещет и синева, от лучей золотея...
По волнам к нам идёт, возвращаясь, Медея.

Или чудится мне?
Новый мир в эту пору,
Как виденье во сне, открывается взору...

Новый путь у страны...
Вместе с ней молодея,
Словно юность моя,
Возвращалась Медея.

Вот идёт по волнам, торопясь возвратиться,
Вся, как солнце, светясь, хороша, смуглолица.
И, касаясь воды, отражаясь на глади,
Льются, падают с плеч золотистые пряди...

* * *

О, диво желанное и неземное!
Медея пропавшая – передо мною!
Дивясь, я гляжу на бескрайность зыбей...

В слезах, изумленный, смотрю на царевну,
И вижу свершившее путь многодневный
Несметное колхское войско за ней.

То в кованых шлемах, в блестящих кольчугах
Идут исполины при копьях и луках.

И копий наверхья до неба встают
И древние стяги над ратью плывут.

Вот пращуры наши, чья память священна,
Вот славные предки, в былые века
Не раз вырывавшие ближних из плена,
Сгонявшие с нашей земли чужака!

Всё море сегодня в старинных знамёнах,
Колеблемых ветром, до неба взметённых.
Пресветлое Солнце на них и Рука.

* * *

Я сразу узнал его...
Вижу Ээта.
Он ясен и строг после стольких утрат.
Державно спокойствие мудрое это...
«Все вновь воплотились!» –
Гласит его взгляд.

О силе и мощи его непреклонной,
О власти его нерушимо-крутой
Вещают и жезл властелина червонный
И этот блестящий венец золотой.

Так часто царя – нет, мне это не снится! –
Держа его стремя, сажал я в седло.
О, сколько я раз выводил колесницу,
Горевшую золотом дивно-светло!

Забуду ль,
Как горько скорбя и робея,
Я вестником горя
Стоял перед ним!

Вещал,
Что пропали Апсырт и Медея
Тому,
Кто и в бедствии неколебим.

Сам страшною вестью своей ослепленный,
Я видеть не мог ни двора, ни дворца,
Ни этой повозки царя золочёной...
Безжалостна участь такого гонца.

Печаль опалила
Лицо властелина,
Он, может быть, дрогнул,
Душой ослабев,
Но весть мою
Выслушал он, как мужчина,
И только во взоре –
Смятение и гнев.

Создав свой народ,
Встал Ээт на колени,
Взмолился к богам потрясенный Ээт,
Он к вихрям и ливням воззвал в исступленье,
И к тучам, дневной затмевающим свет.

Молился и днём он и ночью бессонной
О том, чтобы волны, грозны, высоки,
Восстали и путь преградили Ясону,
Проклятое судно разбив на куски...

И, этой молитве неистовой вторя,
Здесь голосом общим народ произнёс:
«Пусть боги врага покарают

И море,
Ему не прощая ни горя, ни слёз!

Пусть древняя кара Руна Золотого,
Проклятье Колхиды,
Гнев наших сердец
Казнят, настигая всё снова и снова,
Врага приближая ужасный конец!»

Я тоже твердил:
«Пусть заступятся звёзды!
Молюсь, чтобы гнева Колхиды не снёс ты,
Коварный грабитель, презренный хитрец!

Пусть кара свершится
Руна Золотого,
Тебя настигая всё снова и снова
И твой приближая ужасный конец!»

...И вдруг покоряется всё волшебству,
И чудится: мир воскресаёт убитый,
И, словно во сне, всё сбылось наяву,
И наши дороги отныне открыты!

* * *

Вот – наши герои! Нет лучше подарка!..
Вот – павшие в страшном сражении с «Арго»!

Апсырт, брат Медеи, ушедший так рано!
От крови его было море багряно.

Во имя сестры став героем и жертвой,
Доверившись бурных валов круговерти,
Сражался он с нечистью жестокосердной
И в памяти нашей себя обессмертил.

И пусть он из жизни ушёл до расцвета,
На всех мореходных останется картах
То имя, что в наших сказаньях воспето
На древнем наречье прославленных нартов.

Герой наш Апсырт
И Медея-сестрица!
Могла ли Отчизна
Навек их лишиться?!

* * *

Тут душу Медеи увидел я – Меда³⁷.
Племянник Апсырта, он видит впервые
Прибрежье, что вдруг озарила Победа,
И эту природу, и волны родные.

Мед рядом с Апсыртом стоят перед нами.
Все правильно: «Кровь не теряет истока!».
Созвучны их души...
Вослед за волнами,
Вослед за Медеей
Идут издалёка.

* * *

Вот воины,
Стяг поднимая колхидский,
Спасавшие край среди дыма и гари,
Все те, что сражались на Эгре и Псырдзхе,
На Мрамбе, Апсаре,
На древней Амзаре!

Как шёлковый стяг, что ветра расплескали, –
Наш Мрын с огневым и стремительным взором...
А вот Хважарпыс, павший в битве на Пскале,
Жива его песня, поют её хором!

* * *

Пришельцев, грустивших о родине сиро,
Встречает само божество песнопений!
Глядите, запомните! Вот он – Рарира!
Осиная талия, певческий гений...
Стоит, от восторга собой не владея,
И счастлив воспеть возвращенье Медеи.

Звучат аюмаа его, ахымаа,
Весь мир замирает, и голос чудесен...
Иль бурь и сражений кудеснику мало?
Но создан богами он только для песен!

Уймись же сегодня, Орфеева лира,
Иное нам пенье отныне желанно!
Природу страны оживи нам Рарира,
И стань полногласной, свирель Кетуана!

Так вот же они! Кетуан и Рарира
Тебя принимают, Медея, как братья!
Подобны предвестию счастья и мира
Явление твоё, златотканое платье.

Глядите: свои инструменты настроив,
Застыли друзья перед зрелищем дивным!

Но вот уж идут они в сонме героев,
Желанную встречу приветствуя гимном.
Земля с небесами – всё песней объято!
И всех, кто вернулся из дальнего края, –
Как два их родных и заждавшихся брата,
Ведут музыканты, восторг разделяя.
Не сон ли всё это
И грёза о чуде?
Но пели согласно и боги и люди.

* * *

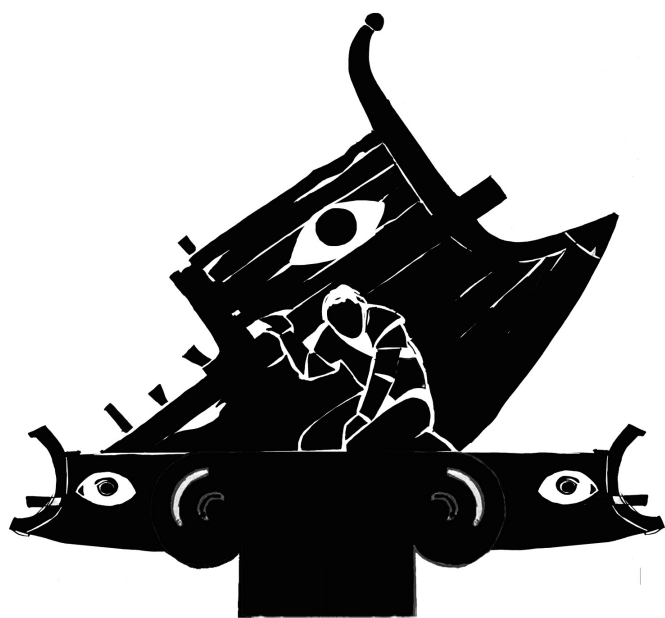
Узнал я сражавшихся, ведавших горе,
Пахавших и сеявших...
С кипенью вала
Таинственной силой могучее море
Пропавших и канувших
Всех возвращало.

Так целые сонмы потерянных нами
Как бы мостами шли золотыми.
И все, разделённые лишь временами,
Мы были родными, мы были своими.

И столько здесь образов, зрелищ рождалось,
Сливалось и брезжило, переливалось,
Узорясь, сводило со звеньями звенья.
Священное
Предков сбывалось заклятье...
Прочней очевидности невероятье!

Нет, всё это не было сном, без сомненья...

Природа на миг замерла, цепеня...
Ступая по водам в просторе широком,
Светилась, как солнце сияла, Медея,
Домой возвращалась, к заветным истокам.

XI

ПЕСОК И ВОЛНЫ

Я повесть продолжу.
Какая расплата
Ждала в заключение
Ясона-пирата?

Всё жил он, мечтая о подвиге громком,
А что же святое оставил потомкам?

Хоть что-то, что щедрой душою согрето?
Не все ли оставить стараемся это?

Но совесть язвит его, путь всё тернистей –
Возмездье страшит за грехи и корысти!

Ну, кто ж воздаянья избег? И Ясона
Грех давит, и ночи проходят бессонно.

Где «Арго»?
Прибитое к берегу валом,
На суше обрубком стоит обветшалым.

Годами
На вечном песчаном причале
Дряхлеет без проблесков жизни, в печали.

Хозяин подходит к нему временами,
Но нет, уж не плыть
И не знаться с волнами!

А вот и сегодня в полуденном зное
Хозяин прилѣг под знакомой кормою.

В тени благодатной уходит он в дрѣму,
Но совесть блаженную гонит истому.

Так сон беспокоен
Под ветхой кормою,
А море всё плещет,
Развалину моя.

Весь ад угрызений – в душе у злодея:

«Что стало с Медеей? Где нынче Медея?..

Чем вины свои искупить мне, Медея?
Клянусь свою долю, дряхлая, седея!

И море ко мне уж не столь благосклонно,
Великие боги забыли Ясона.

О, как же твои справедливы упрѣки,
Как муки твои тяжелы и жестоки!

Но дети твои, как ни спорь, и мои ведь!
Не мог я, злосчастный, тебя осчастливить.

И счастье в морских затонуло пучинах,
И парус надежды – в песчаных лавинах.

Я золота жаждал и гнался за славой,
Но сгинул, как многие, в тяжбе неправой!»

Так, в дрёме ведя разговор сам с собою,
Себя упрекал он, казнимый судьбою.

А Некие Силы, как злые химеры,
Его обступали, терзая без меры.

Незримо грозя и лишая покоя,
Вздымает громады пространство морское.

Вот, гальку ломая, бурля, бедокуря,
На берег пришла небывалая буря.

И что же творится? Какая тут сила
И в жизнь ворвалась и её подкосила?

Неужто проклятье Медеи свершится?
Волна исполинская
В бешенстве мчится...

Вдруг нос корабля обломился, и весь он
Рассыпался, в гниль превратился и в плесень.

Накрыли обломки
Того, кто когда-то,
Как ветер был легок, – Ясона-пирата.

Могила его – не в морях и заливах,
А в дюнах прибрежных, в песках молчаливых.

Конец наступил и простой и ужасный,
И точка поставлена Смертью всевластной.

Куда же Руно Золотое он спрятал?
Исчезло бесследно в пространстве залятом.
И нам от Руна не осталось ни пряди,
Его уже нет и не будет в Элладе.

Сомкнулись песчаные горы над мачтой...
Кто слышал, Ясон, твою исповедь, плач твой?
Кому свою душу открыл ты в кручине?
Лишь ветру, волне и песчаной пустыне.

И канули, с «Арго» промчавшись по свету,
И слава твоя и бесславие в Лету.

Обломки под ветром и свежим и древним,
Качаясь, несутся по мчащимся гребням.

* * *

Отчизна души моей ждёт возвращенья
Колхидянки, видевшей судеб скрещенья.

Ликуя, стоят Кетуан и Рарира
Тебя принимают, Медея, как братья!
Подобны предвестию счастья и мира
Явленье твоё, златотканное платье.

Глядите: свои инструменты настроив,
Застыли друзья перед зрелищем дивным!
Но вот уж идут они в сонме героев,
Желанную встречу приветствуя гимном.

Земля с небесами – всё песней объято!
И всех, кто вернулся из дальнего края, –
Как два их родных и заждавшихся брата,
Ведут музыканты, восторг разделяя.

Не сон ли всё это
И грёза о чуде?
Но хором запели и боги и люди...

И столько здесь образов, зрелищ рождалось,
Сливалось и брезжило, переливалось,
Узорясь, сводило со звеньями звенья.
Священное
Предков сбывалось заклятье...
Прочней очевидности невероятье!
Нет, всё это не было сном без сомненья...

Природа на миг замерла, цепенея...
Ступая по водам в просторе широком,
Светилась, как солнце сияла, Медея,
Домой возвращалась, к заветным истокам.

1972 – 1977; 2013;
Москва – Сухум

ПРИМЕЧАНИЯ*

¹ *Рарира* – здесь божество музыки, запевала торжественной песни.

² *Орфей* – мифический певец, участник похода аргонавтов в Колхиду (абхазский вариант: Кылгтá) за золотым руном (позолоченной шкурой волшебного барана).

³ *Апсырт* (Апсирт) – сын колхидского царя Ээта, брат Медеи.

⁴ *Медея* – дочь царя Колхиды Ээта. Миф о ней связан с походом аргонавтов.

⁵ *Ээт* – царь Колхиды, во владения которого прибыли аргонавты во главе с Ясоном.

⁶ *Хаит* – божество моря и покровитель мореплавания.

⁷ *Ажвейпи* (Ажвейпшаа) – божество и покровитель охоты.

⁸ *Сытсыкура* – буквально «возврат моей души». Это слово, сильно окрашенное эмоционально, выполняет функцию определения – «любимая», «родимая», «ненаглядная».

⁹ Перечисляются божества абхазского языческого пантеона.

¹⁰ *Эсхил* (около 525–456 до н.э.) – греческий поэт-драматург, «отец трагедии».

¹¹ *Абраскил* (*Абрскил*) – мифический герой-богоборец, согласно древнейшим абхазским легендам, прикованный к карстовой пещере, находящейся у абхазского селения Члоу. Прообраз древнегреческого Прометея.

¹² По легенде всякий раз, когда Абраскил, казалось, вот-вот вырвет из земли столб, к которому он прикован цепями, на верхушку садится трясогузка и Абраскил, пытаясь согнать птицу, бьет молотом по столбу, тем самым вновь загоняя его в землю.

¹³ *Апацха* – жилище, хижина, сплетённая из прутьев.

¹⁴ *Ареай* – бог победы.

* *Принадлежат автору*

¹⁵ *Сатаней-Гуаша* – родоначальница нарттов в абхазском героическом эпосе.

¹⁶ *Кубина* – река Кубань.

¹⁷ *Акяпта* – покинутое жилище, заброшенная (обычно после вымирания всех членов семьи) усадьба, ставшая символом прекращения жизни.

¹⁸ *Анашпа* – незаконнорожденный сын.

¹⁹ *Араш* – сказочный крылатый конь.

²⁰ *Апстар* – войско ущелья.

²¹ *«Радеда»* – песнь привода невесты.

²² *Ахахаира!* – восторженно-повелительный возглас.

²³ *Кетуан* (Киатуан) – герой абхазского нартского эпоса, создатель свирели.

²⁴ Национальные музыкальные инструменты.

²⁵ *Шаратын* – абхазский хороводный танец.

²⁶ *Ацаны* – карлики, гномы абхазского эпоса.

²⁷ *Амазонки* – мифические женщины-воительницы, согласно легендам обитавшие в Малой Азии или в предгорьях Кавказа.

²⁸ *«Шьардаамта»* – «Многая лета» (песня).

²⁹ *Овидий Назон Публий* (43 г. до н.э. – 18 г. н.э.) – римский поэт. Был сослан императором Августом в г. Томы (черноморский порт Констанцы в Румынии). Там и умер.

³⁰ *Мачар* – молодое неперебродившее сухое вино.

³¹ *Айтар* – бог-покровитель домашнего скота.

³² *Жвабран* – праздничное моление в честь покровителя молочного крупного рогатого скота.

³³ *«Сау-нау»* – трудовая песня, обращенная к Сауне, покровительнице мельниц жерновов, мукомольного дела.

³⁴ Здесь миски и корыта – меры зерна и муки.

³⁵ *Шьышь-наани* – слова абхазского колыбельного напева.

³⁶ Абхазская героическая песнь, призывавшая к долготерпению и мужеству.

³⁷ *Мед* – сын Медеи, с которым она возвращается в Колхиду.

О ПЕРЕВОДЧИКЕ

Михаил Синельников (родился в 1946 г. в Ленинграде) – известный московский поэт, автор двадцати стихотворных сборников, в том числе, однотомника (2004), двухтомника (2006), книги «Сто стихотворений» (2011), а также избранного «Из семи книг» (2013). Его стихи регулярно публикуются в основных литературных журналах России, вошли в существующие антологии русской поэзии XX века и переведены на многие языки стран Европы и Азии.

М. Синельников – признанный мастер поэтического перевода.

На протяжении нескольких десятилетий перевел многие произведения индийских, таджикско-персидских, грузинских, армянских, тюркских (Азербайджан, Балкария, Карачай, Ингушетия), а также дальневосточных и европейских поэтов – классиков и современников. Его избранные переводы вошли в книгу «Поэзия Востока» (2011). Особое признание принесло переводчику выдержавшая несколько изданий переложение обширного собрания сочинений гениального персидского лирика и эпика двенадцатого века Хакани. Он автор перевода монументального эпоса «Нарты» (в карачаевско-балкарском варианте).

М. Синельников является также исследователем литературы, критиком, эссеистом, составителем поэтических антологии. Его разносторонняя литературная деятельность отмечена многими высокими российскими и иностранными премиями.

М. Синельников неоднократно бывал в Абхазии и посвятил ей ряд стихотворений, переводил абхазских поэтов.

СОДЕРЖАНИЕ

Фазиль Искандер.

Полифония эпоса 5

М. Синельников.

Шумит не умолкая...

(Заметки переводчика) 8

Мушни Ласуриа.

Золотое руно. *Поэма* 21

Главы:

I. Апсырт..... 23

II. Медея..... 37

III. В пещере..... 49

IV. В страну нартов..... 58

V. Клятва..... 68

VI. Знамена..... 76

VII. Колхидская свадьба..... 86

VIII. Сау-нау..... 97

IX. Язык – зеница ока..... 106

X. Возвращение..... 115

XI. Песок и волны..... 133

Редактор – Лейла Пачулия
Дизайн–макет – Стелла Садзба